

Тонкие материи и грубые обстоятельства

Часть вторая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Натали Касс

18+

Натали Касс

Тонкие материи и грубые обстоятельства. Часть 2

<https://litres.ru/74611568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разбираться с чужими судьбами легко, если ты ведьма, успешно притворяющаяся модным московским тарологом. Марго по-прежнему видит людей насквозь и мягко направляет клиентов к нужным решениям, не выдавая своего дара.

Но если с чужими секретами всё понятно, то в своей жизни пора навести порядок. Обаятельный Слава больше не согласен на роль просто удобного любовника на дорогой машине. Он мягко, но упорно ломает ее выверенные личные границы, заставляя Марго признать: возможно, она видит насквозь далеко не всех.

Вторая часть уютного городского фэнтези. Еще больше интересных клиентов, повседневной магии без лишней драмы, вредная кошка-сфинкс и ироничный взгляд на отношения, которые развиваются вопреки логике.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Интерлюдия Мирослав	42
Глава 3	52
Глава 4	75
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Натали Касс

**Тонкие материи и грубые
обстоятельства. Часть 2**

Тонкие материи и грубые обстоятельства

Часть 2

Глава 1

Москва встретила нас ледяным ливнем. Первые числа июля явно перепутали сезон, заливая асфальт так, что он мгновенно покрывался пузырями.

В терминале аэропорта на меня тут же навалился мегаполис. После густых лесов под Новосибирском, где мы с Агнесой провели несколько дней, плотность чужих энергий в зоне прилета казалась осязаемой. Липкая тревога опоздавших, пульсирующее раздражение туристов, тупая усталость тех, кто ждал багаж.

Раньше от этого хаоса начинало ломить виски. Приходилось постоянно тратить силы, чтобы не впитывать негатив.

Сейчас, после инициации, всё было иначе. Я просто сделала медленный вдох и мысленно задвинула заслонку. Щит встал на место ровно и без усилий. Шум никуда не делся, я по-прежнему считывала состояния людей, но теперь это была просто информация. Сухая статистика. Никакой эмпатии.

— Не зависай, Марго, твой чемодан, — голос Агнессы Эдуардовны вернул меня в реальность.

Бабушка выглядела так, будто только что вышла из салона: ни капли усталости после долгого рейса, идеальное каре, легкий тренч. В одной руке она держала чемодан, в другой — массивную переноску, из которой с интонациями

недовольного грузчика ворчал ее фамилльяр Федька.

Я подхватила свой багаж и осторожно поправила тканевую сумку на плече. В отличие от общительного Федьки, Кара сидела абсолютно тихо. Перелеты она панически боялась. Я физически ощущала наш единый контур, по которому от кошки шли волны мелкой дрожи, и непрерывно транслировала в ответ ровное, тяжелое спокойствие, гася ее ужас.

Через полчаса мы сидели на заднем сиденье тонированного минивэна. В салоне пахло дорогой кожей и парфюмом водителя.

Агнесса элегантно закинула ногу на ногу и посмотрела на меня с профессиональной цепкостью старшей ведьмы.

— Ну? — негромко спросила она. — Как ощущения? После сибирских лесов здесь обычно душновато.

— Нормально, — я пожала плечами, глядя на размытые огни трассы. — Щиты держатся сами. Больше не нужно их контролировать.

Я перевела взгляд на лобовое стекло. Пространство теперь разворачивалось передо мной в виде четкой структуры вероятностей. Красная пульсирующая линия на Ленинградском шоссе. Если поедem там — потеряем полтора часа.

Я достала смартфон, сделав вид, что читаю уведомления. — Водитель, уходите на платную трассу, — ровно произнесла я.

Мужчина бросил скептический взгляд в зеркало заднего вида.

— Девушка, навигатор показывает зеленую...

— В рабочих чатах пишут, там только что фуру развернуло, перекрыты три полосы, — не моргнув глазом, соврала я. Мой голос звучал спокойно, но с той металлической ноткой, которая заставляет людей подчиняться. — Поехали по платной, я компенсирую.

Водитель недовольно хмыкнул, но включил поворотник и перестроился. Агнесса едва заметно, одобрительно приподняла бровь и отвернулась к окну. Федька в своей клетке наконец-то перестал материться и заснул.

Высадив бабушку на Арбате, я поехала дальше, в центр.

Покровка встретила меня привычным архитектурным снобизмом. Я вытащила чемодан, расплатилась и толкнула тяжелую дубовую дверь старого фонда. Привычный запах сырой штукатурки и пыли ударил в нос.

Второй этаж. Гулкое эхо шагов по истертым каменным ступеням. Я свернула налево, к двенадцатой квартире, и провернула ключ в замке.

Внутри пахло старой бумагой и давно выдохшимся кофе. Оставив чемодан в прихожей, я скинула влажные кожаные лоферы и расстегнула переноску.

Кара торопливо выбралась наружу. Оказавшись в безопасности и на твердой земле, она нервно отряхнулась, сбрасывая остатки стресса, и благодарно потерлась о мою щиколотку.

Я стянула влажную легкую куртку, повесила ее на крючок

и прикрыла глаза. Домашние обереги узнали хозяйку. Квартира мягко окутала меня знакомой энергией. Только сейчас я позволила щиту чуть-чуть ослабить хватку, переводя его в расслабленный домашний режим.

Я прислушалась к себе. Раньше после перелета я бы просто рухнула в кровать, но сейчас тело не чувствовало ни малейшей усталости. Энергия пространства ровно циркулировала по венам, требуя действия. Впереди была целая неделя выходных, и это было идеальное время, чтобы без спешки выяснить, на что способна обновленная я.

Июльское солнце жарило через окна, высушивая на крышах Покровки остатки ночного ливня.

Я допивала черный кофе на кухне. Никакой утренней вялости — после инициации тело работало иначе, вытягивая нужный ресурс напрямую из пространства, так что сон из жесткой необходимости плавно перешел в категорию приятных привычек.

Кара развалилась на подоконнике, подставив безволосый бок прямым лучам. Я мазнула ладонью по ее горячей спине, и мы на секунду разделили пополам короткую вспышку сытого кошачьего кайфа.

— Пора за работу, мелочь, — бросила я, отправляя чашку в раковину. — Клиентская застоялась.

Вышла на лестничную клетку, провернула ключ в замке напротив. Рабочая квартира встретила меня спертым, тяжелым воздухом.

Окна здесь были наглухо закрыты со среды. И дело было вовсе не в пыли. Клиенты редко приходят с букетом ромашек и хорошими новостями — каждый тащит за собой вагон личного дерьма: страхи, мелкую жадность, паранойю и бесконечное вранье самим себе. Скользя по гостинной новым, обостренным зрением, я поморщилась. Эта чужая эмоциональная дрянь налипла на углы и мебель, свисая грязной серой паутиной.

Я сунула пластиковое ведро под кран в ванной, пустила холодную воду и пошла в бывшую спальню, переделанную под кладовку. Стеллажи, стеклянные банки с травами, картонные коробки. Пахло сушеной полынью и старой бумагой. Взяв с полки флакон с экстрактом чертополоха и мешочек четверговой соли, я вернулась в ванную. Выключила воду, щедро сыпанула соли и плеснула темный экстракт. Вода пошла мутными разводами. Запах ударил в нос так, что прочистило до самого затылка.

Вот тебе и высшая магия: тряпку в зубы — и пошла драить.

Раздвинув шторы в кабинете, я выжала мокрую тряпку и прошла по массивному дубовому столу. В голове всё было кристально ясно. Я прямо видела, как с каждым движением липкие ошметки чужой тревоги распадаются от контакта с соленой водой.

Вот здесь на днях потел пухлый бизнесмен, тряся над своим тендером. Я с нажимом протерла край столешницы,

стирая сгусток его липкой паники. Затем перешла на гостевые кресла. Тут в четверг рыдала девица, пытавшаяся приворожить женатого шефа, — кожаная обивка до сих пор фонила ее вязкой, истеричной обидой. Чудесно. Прямо санаторий для душевнобольных.

Сменив воду и бахнув туда еще порцию соли, я опустилась на колени. Шваброй, конечно, быстрее, но прямой физический контакт вытягивает грязь куда лучше. Я ползала по старому паркету, и с каждой вымытой половицей комната переставала «гудеть». Никаких вероятностей в пустых стенах, разумеется, не водилось — вероятности крутятся только вокруг живых людей. Зато здесь был фон, и сейчас он наконец-то становился ровным и нейтральным.

Закончив с полами, я вылила грязную воду в унитаз, вымыла руки с мылом и взяла с полки травяную скрутку. Можжевельник со зверобоем — самое то, чтобы выжечь остатки чужих соплей.

Чиркнула спичкой. Сухие ветки затрещали, пуская густой сизый дым.

Я медленно пошла по периметру кабинета. Дым щипал глаза правильной, рабочей горечью. Я задерживалась в углах — там, где этот невидимый мусор всегда скапливается гуще всего, и смотрела, как можжевельник буквально выедает застоявшуюся дрянь.

Кара брезгливо жалась у порога, аккуратно обернув лысый хвост вокруг лап. Я слегка приглушила нашу менталь-

ную связь, чтобы кошку не мутило от едкого запаха.

Бросив дымящуюся скрутку в керамическую пепельницу, я распахнула окно настежь. С улицы моментально ворвался шум утренней Покровки: шелест шин по асфальту, гул голо-сов, отдаленный звон трамвая. Сквозняк подхватил дым и вытянул его наружу вместе с последней выжженной грязью.

Я прикрыла глаза. Воздух стал свежим, колким и пустым. Дышать снова можно было без отвращения. Рабочее место готово.

Вернувшись к себе, я с удовольствием захлопнула входную дверь. После вычищенной до звона рабочей квартиры моя собственная двенадцатая казалась уютно-живой. Здесь не нужно было жечь можжевельник и отмывать чужие истерики — только банально разобраться с бытом.

Я открыла холодильник. Полка с овощами встретила меня унылым зрелищем: половина лимона высохла до состояния мумии, а кусок сыра обзавелся благородной пушистой плесенью, хотя при жизни был обычным «Российским».

— Покойтесь с миром, — философски пробормотала я, отправляя остатки былой роскоши в мусорный пакет. Туда же полетел какой-то подозрительный пластиковый контейнер с забытым гарниром.

Стянув домашнюю одежду, я пошла в душ. Прохладная вода смыла пыль и остатки утренней рутины. Выйдя из ванной, я натянула легкий белый костюм из льна — свободные шорты и расстегнутую поверх топа рубашку. Сунула ноги в

парусиновые эскадрильи. Ткань приятно холодила кожу, самое то для раскаленного июльского дня. Подхватив пухлый пакет с мусором и тканевую сумку, я вышла в подъезд.

На первом этаже меня ждала неизбежность.

Зинаида Петровна, наша консьержка и по совместительству соседка из дома напротив, обладала таинственным даром материализоваться ровно в тот момент, когда ты пытаешься незаметно проскользнуть мимо.

Воздух вокруг нее мелко вибрировал. Я буквально кожей ощутила эту плотную, пульсирующую структуру — так ощущается острая, почти физиологическая потребность вывалить на кого-то свежую информацию. Социальный зуд чистой воды.

— Маргоша, здравствуй! — Зинаида Петровна вынырнула из своей каморки, мастерски перекрывая траекторию к входной двери. Взгляд ее цепко прошелся по моему льняному костюму и остановился на лице. — А я смотрю, ты вчера днем с чемоданчиком возвращалась. Никак в отпуск летала? На море-то была?

«Ага, на море. В Новосибирск, — хмыкнула я про себя, вспоминая свою инициацию, где шансов не выжить было куда больше, чем загореть».

— На выездной семинар летала, Зинаида Петровна, — я изобразила вежливую, социально-одобряемую улыбку, перехватывая мусорный пакет. — Повышение квалификации, слет тарологов. Сплошные лекции и чужая энергетика, ни-

чего интересного.

Консьержка слегка разочарованно цокнула языком, но тут же воспряла. Ей, по большому счету, было плевать на мой семинар. Мой приезд был просто удобным предлогом.

— Ой, ну работа есть работа, — легко отмахнулась она. — Зато у нас тут, пока тебя не было, такие страсти кипели! Ты ж ничего не знаешь!

Ее энергетический фон вспух, как дрожжевое тесто.

— С четвертого этажа-то наши квартиранты съехали! — Зина заговорщицки понизила голос, хотя в пустом холле нас слушали разве что почтовые ящики. — Дом купили. В Балашихе! Ипотеку, говорят, на тридцать лет взяли.

— Тридцать лет ездить из Балашихи — звучит как суровый приговор, — искренне посочувствовала я. — Героические люди.

— И не говори! — радостно подхватила Зина, воодушевленная тем, что я не пытаюсь сбежать. — Но это ладно. А Шевченко-то! Из соседнего дома! Разводятся со скандалом!

Консьержка всплеснула руками, предвкушая кульминацию.

— Коля ее с любовником поймал! Прямо в спальне, представляешь? Вещи с балкона летели, участкового вызывали. А ведь с виду такая приличная женщина была, в очках постоянно ходила, здоровалась всегда...

«Очки, безусловно, гарантируют железную верность и целибат», — язвительно подумала я. Внешне же выдала глубо-

кий, сочувствующий вздох:

— Кошмар какой. Вот уж действительно, чужая семья — потемки. Никогда не знаешь, что у людей в голове.

Зинаида Петровна удовлетворенно закивала. Я видела, как пульсирующее напряжение вокруг нее стремительно опадает. Она успешно выгрузила в меня свой информационный контейнер и теперь испытывала искреннее, заслуженное облегчение.

— Ладно, побегу я, Зинаида Петровна, — пользуясь паузой, я качнула мусорным пакетом. — А то продукты сами себя не купят.

— Беги, беги, Маргоша! — благодушно махнула она рукой, отступая к своей каморке. — Хорошего дня!

Я толкнула тяжелую металлическую дверь и вышла на залитую солнцем улицу. В нос ударил запах нагретого асфальта, свежей выпечки из кофейни на углу и выхлопных газов. Мусорный бак ждал меня за углом, а впереди маячил поход за свежими овощами. Москва гудела, и я с удовольствием шагнула в этот гул.

Мусорный пакет с глухим стуком приземлился в недра зеленого бака за углом. Я отряхнула руки, поправила на плече лямку пустого шоппера и не спеша двинулась вдоль по Покровке.

Июльская Москва обрушилась на меня душным, плотным гулом. Пахло раскаленной пылью, сладковатым дымом элек-

тронных сигарет и пережаренным кофе из открытой двери ближайшей кофейни.

Раньше эта людская мясорубка в центре заставила бы меня инстинктивно сжаться. Чужие эмоции липли бы к коже. Но сейчас в моей голове стояла звенящая, монолитная тишина. Ментальный щит отсекал любой мусор. Я шла сквозь толпу, прекрасно видя людей, но они больше не могли меня задеть.

Идеальные условия для полевых испытаний.

Я чуть сбавила шаг и на ходу слегка расфокусировала зрение. Физический мир никуда не делся — те же фасады и потные лица, — но поверх него проступила схема чужих жизней. Обычные причинно-следственные связи. Кто что сделает и к чему это приведет. Никаких туманных предчувствий или голосов в голове — просто голые факты.

Навстречу, тяжело ступая в душных туфлях, шел грузный мужчина лет сорока пяти. Лицо красное, челюсти сжаты — классический гипертоник на взводе. Я присмотрелась к его вероятностям.

Ситуация решалась сегодня вечером. Дочь приведет знакомого своего парня. Если мужик не сорвется и не выставит с порога неугодного студента, то ровно через год купит детскую коляску и станет дедом. Выгонит — получит многолетний бойкот от единственного ребенка.

«Держи себя в руках, дедуля, — мысленно посоветовала я ему, проходя мимо. — Студента можно и потерпеть».

Тренировка затягивала. Забавно наблюдать, как люди сами загоняют себя в тупики.

У светофора притормозила девчонка лет двадцати. Короткий топ, стакан с айс-латте в руке, взгляд в экране телефона. Я скользнула по ее будущему. Осенью она втрескается по уши. Вспышка влюбленности — яркая и абсолютно безнадёжная. В декабре ее ждали сплошные слезы и, как следствие, заваленная зимняя сессия.

«Любовь, конечно, зла, но в деканат эту причину не принесешь, — без всякой жалости констатировала я. — Готовься к пересдачам».

Светофор загорелся зеленым.

Мое внимание привлек стильно одетый молодой человек. Светлые брюки, счастливая, расслабленная улыбка. Я посмотрела на развитие его ситуации и мысленно поморщилась. Он уже купил кольцо и собирался делать предложение. Но ровно через неделю узнает, что невеста спит с другим. Сценарий классический и грязный.

Я проводила парня взглядом. Симпатичный. Искренне жаль его потраченных денег.

«Надеюсь, ты сохранил чек от ювелирного, — сухо подумала я, отворачиваясь. — Хотя бы оформишь возврат».

Я моргнула, возвращая зрение в привычное русло. Схемы погасли, оставив только слепящее солнце и гудящую улицу. Голова оставалась ясной, никакой усталости или эмпатичного сочувствия.

Этот новый навык мне определенно понравился.

Поправив шоппер, я свернула к дверям супермаркета. Где-то там меня ждали свежие овощи, которые, в отличие от людей, не таили в себе никаких сюрпризов. По крайней мере, до тех пор, пока не превращались в мумии на полке моего холодильника.

Под потолком монотонно гудели кондиционеры. После раскаленного асфальта этот ровный искусственный холод казался благословением, приятно остужая мою от природы теплую кожу. Я методично толкала тележку между рядами, собирая базовый набор для выживания: свежие овощи, яйца, кусок приличного сыра и пузатое ведерко фисташкового мороженого, пластиковые бока которого уже покрылись би-сером конденсата.

Бытовой дзен разбился о кассовую зону.

Очередь безнадежно увязла. Затором служила плотная дама лет пятидесяти в цветастой блузке. Сначала ей не угодил дедок впереди — слишком медленно складывал покупки. Дама выдала серию тяжелых, показательных вздохов, от которых мелко заколыхались рюши на ее плечах. Дед огрызнулся, торопливо скомкал пакет и ретировался.

Но маховик скандала уже раскрутился. Почувствовав вкус безнаказанности, женщина переключилась на кассира — молоденькую, зашуганную студентку. Поводом стал не пробившийся по акции майонез.

Я оперлась локтями на ручку тележки, поглядывая на часы. Прошла минута, потом три. Черная транспортерная лента замерла. Воздух позади меня начал ощутимо тяжелеть.

— Девушка, ну позовите вы второго кассира! Долго мы тут стоять будем? — крикнули откуда-то с задних рядов.

— Женщина, оплатите вы уже этот майонез! У меня автобус через десять минут, пропустите! — взмолился худой парень, пытаясь протиснуться вперед с одной бутылкой воды.

— Безобразие, вечно у них одна касса из пяти работает, — загудели басом от стеллажей с шоколадками.

Но даму этот хор недовольных голосов лишь подстегивал. Она буквально расцветала в эпицентре скандала. Ее голос набирал силу, срывался на визгливые, режущие слух ноты, заполняя собой весь магазин. Девочка-кассир пошла неровными красными пятнами, путалась в кнопках отмены, сканер в ее руках мелко дрожал. А вот дама, напротив, расправила плечи, словно наливаясь свежей кровью.

Я чуть расфокусировала зрение, вглядываясь в изнанку этой сцены.

Так и есть. Классический бытовой паразит, энергетический вампир, завсегдатай районных поликлиник и утренних автобусов. Только теперь я видела это не как смутную эзотерическую метафору, а предельно ясно — как дурно написанный текст с торчащими наружу гнилыми нитками.

От плеч женщины во все стороны тянулись полупрозрачные, мутно-серые жгуты, похожие на слепых прожорливых пиявок. Один намертво присосался к съжившейся кассирше, ритмично пульсируя и жадно глотая чужую панику. Второй жгут пока лениво шарил по воздуху, вылавливая из толпы острые занозы чужого раздражения.

Тут женщина резко обернулась ко мне, ища поддержки зала.

— Вы посмотрите, что делается! — выдохнула она, театрально всплеснув руками. — Набрали по объявлению, ни ценников, ни мозгов! Мы из-за нее тут до вечера стоять будем!

Свободный серый жгут радостно метнулся в мою сторону, целясь в солнечное сплетение. Он с размаху ударился о мой ментальный щит — и бессильно соскользнул с его сияющей гладкой поверхности. В моей голове не дрогнула ни одна мысль, осталась лишь глухая, кристальная тишина.

Слепая, наглая прожорливость этой тетки вызвала у меня исследовательский азарт, густо замешанный на раздражении. Одно дело — привычная грызня людей в очереди, и совсем другое, когда эта базарная пиявка лезет ко мне, затягивая время, пока в моей тележке тает мороженое.

Еще год назад я бы просто надела наушники, отгородившись от визга. Но сейчас, после инициации, проснулась память крови. Я просто *увидела* уязвимые места этих жгутов и поняла, как их выжечь. Знание всплыло из глубины само,

требуя выхода.

Я сделала полшага вперед, вторгаясь в личное пространство женщины, и склонилась к самому ее уху.

Она приоткрыла рот для новой порции визга, но не успела.

— Свое жри, — произнесла я ровно. Голос прозвучал пугающе обыденно, но я намеренно вложила в него такую ледяную, спрессованную плотность, от которой дама инстинктивно вжала голову в плечи. — Чужим даvisь. Узлы рублю, корни сушу. Отсекаю.

Для окружающих это был лишь хамский шепот вполголоса. Но на тонком плане мои слова ударили тяжело и точно.

Хрясь.

Воздух между нами коротко, беззвучно лопнул. Я с удовлетворением увидела, как серые жгуты мгновенно ссохлись, оторвались от кассирши и осыпались грязным пеплом, не долетев до пола. Я оставила паразитке лишь один тонюсенький капилляр на спине — исключительно из гуманизма, чтобы она прямо тут, у кассы, не рухнула в обморок от истощения.

Женщина поперхнулась воздухом. Здоровый румянец мигом стек с ее щек, оставив серую, дряблую кожу. Она часто-часто заморгала, опустила взгляд на банку майонеза в своих руках с каким-то искренним недоумением, словно начисто забыв, как здесь оказалась и из-за чего кричала.

Вся ее боевая спесь испарилась. Не сказав больше ни сло-

ва, она дрожащими пальцами приложила карту к терминалу, сгребла покупки в охапку и медленно, шаркая ногами, побрела к выходу. Спина ссутулилась, вновь превратив ее в обычную уставшую тетку.

Очередь облегченно выдохнула, сбросив оцепенение. Я придвинула свою тележку к ленте. Кассирша, все еще сжимая в побелевших пальцах сканер, смотрела на меня огромными, блестящими от невыплаканных слез глазами.

— Ну вот, а вы расстраивались, — сухо, но беззлобно хмыкнула я, выставя на черную резину мокрое ведерко. — Пакет нужен. И давайте побыстрее, пожалуйста. У меня мороженое тает.

Глава 2

Я тасовала колоду, неторопливо перебирая пальцами тяжелый глянцевый картон. Карты ложились в ладони с сухим, шелестящим звуком, напоминающим шорох палой листвы по асфальту. Изящные, пугающе-завораживающие иллюстрации Кроули, затейливая вязь символов. Безупречная полиграфия. Театральный реквизит. Но людям необходимы плотные бархатные портьеры и полумрак, за которыми якобы прячется тайна. Иначе они не поверят в чудо. И, что куда важнее, не заплатят за него.

Колода послушно разделилась надвое, и я на секунду замерла, прислушиваясь к себе. К этой новой, звенящей тишине внутри, от которой все еще немного кружилась голова.

До инициации кровь давила на меня так тяжело, что я инстинктивно сутулилась, пряталась в бесформенные, глухие свитера и не поднимала взгляда от тротуара. Чужие страхи, зависть и липкая тоска лились в меня несмолкающим потоком, заставляя запираяться в своей квартире-раковине, лишь бы хоть на час отгородиться от гула мегаполиса.

А теперь мой разум напоминал темную, глубокую воду. Абсолютно гладкое зеркало. Чужие эмоции просто скользили по этой поверхности, не оставляя на ней ни единой ряби.

Всю эту неделю я заново пробовала город на вкус.

Во вторник на Патриарших Лера, с восторгом неопита заказав матчу на миндальном, щебетала о ретроградном Меркурии. Она гордо демонстрировала кулон с розовым кварцем, который непременно должен был очистить ее жизнь от присутствия бывшего парня. Я смотрела на гладкий, безжизненный камень, в котором подлинной магии было не больше, чем в бумажной салфетке на нашем столике, и мягко улыбалась. Раньше меня бы накрыло удушливой волной Леринской паники перед одиночеством. Сейчас же ее звонкий голос просто вплетался в звон посуды и фоновый гул кофейни, а я неторопливо пила свой эспрессо, наслаждаясь густой ореховой горечью на языке.

Пальцы привычно сдвинули старшие арканы.

В четверг был Парк Горького, вечно голодные утки у пруда и старик на соседней скамейке. Обычные прохожие оглядывали его по плавной дуге, сами того не замечая — невидимые нити вероятностей мягко искажались, уводя людей в сторону. Старый колдун. Редкая порода. Мужчины с даром всегда тяжеловесны, в них слишком много сырой земли, они не выносят неона и асфальта, предпочитая оседать в тихих пригородах. Этот, видимо, оказался в центре по нужде. Выцветшая, не полетному плотная штормовка, лицо, испещренное глубокими морщинами, словно древесная кора, и потертый брезентовый рюкзак у ног. Он поднял голову, безошибочно вычленил меня из толпы, скользнул по глазам тяжелым взглядом — и коротко, веско кивнул. Я ответила таким же

едва заметным наклоном головы.

А в пятницу на «Чистых прудах» я застала кикимору. Вертлявая сухонькая старушка в сером пуховом платке шныряла в толпе, мелко перебирая узловатыми пальцами. И там, где она проходила, ткань обыденности давала трещины: у курьера внезапно рвался бумажный пакет с едой, студентка безнадежно путалась в проводах наушников, а респектабельный мужчина спотыкался на ровном граните и ронял телефон. Старушка жадно втягивала носом крошечные, колючие вспышки чужого раздражения и довольно шамкала тонкими губами.

Я просто стояла у колонны и смотрела. Они всегда были здесь, жили по своим негласным законам, делили с нами одни улицы и скверы. Но лишь теперь я могла позволить себе роскошь наблюдать за этой игрой, не рискуя стать ее частью.

Резкая трель дверного звонка вспорола тишину прихожей.

Я медленно выдохнула, отпуская воспоминания, и отложила карты на глубокий черный бархат скатерти. Привычным движением скользнула ладонями по бедрам, разглаживая прохладный изумрудный шелк брюк, хотя на нем не было ни единой складки.

Декорации расставлены. Зритель пришел.

Я неспешно направилась к двери, чтобы впустить своего первого гостя.

На пороге стояла классическая иллюстрация к фразе

«первый год в браке». Девушка — кажется, она представилась Алиной, когда записывалась на сеанс, — выглядела так, словно последние пару недель спала исключительно на иголках. Дорогая укладка слегка растрепалась, а в воздухе вокруг неё, перебивая тяжелый цветочный парфюм, висел кисловатый, царапающий нёбо привкус застарелой тревоги.

— Проходите, — я плавно отступила в сторону, пропуская её в прихожую.

Раньше эта плотная стена чужой паники ударила бы меня под дых, заставив морщиться от головной боли. Сейчас же истерика Алины просто разбивалась о гладкую, темную воду моего разума, не оставляя ни малейшего следа. Я закрыла дверь, отсекая шум подъезда, и жестом пригласила гостью в кабинет.

Здесь царил выверенный до миллиметра полумрак. Тяжелые портьеры крали солнечный свет, оставляя лишь мягкое свечение настольной лампы, выхватывающей из тени глубокий черный бархат скатерти.

Алина опустилась в кресло напротив, судорожно комкая в пальцах салфетку.

— Он мне изменяет, — выдохнула она, не тратя времени на предисловия. Голос дрогнул, едва не сорвавшись в плач. — Точно изменяет. Мы женаты всего год, а он...

Она резко расстегнула сумку и высыпала на бархат горстку смятых чеков.

— Возвращается поздно вечером. Глаза прячет. А глав-

ное — он перестал ужинать дома! Я вчера приготовила диетическую лазанью с цукини и ферментированным тофу, а он сказал, что сыт. Зато я нашла в кармане его пиджака чеки из ресторанов! Понимаете? — она подалась вперед, едва не смахнув со стола свечу. — Он водит какую-то стерву ужинать! Кормит ее там стейками и вином, пока я стою у плиты!

Лазанья из цукини с ферментированным тофу.

Мда. Звучит как повод для уголовного преследования по статье за применение химического оружия. На месте твоего мужа я бы тоже начала изменять. Причем открыто. С палаткой, где продают шаурму.

— Сделайте глубокий вдох, Алина, — произнесла я, добавив в голос бархатных, обволакивающих нот. Идеальный психоаналитик с налетом мистики. — Карты не терпят суеты.

Мои пальцы легли на колоду. Рубашки карт привычно холодили кожу. Я начала выкладывать расклад, плавно открывая один аркан за другим. Иллюстрации ложились на сукно безупречным кельтским крестом, но я почти не смотрела на них. Это был лишь спектакль для единственного зрителя.

Мой настоящий взгляд скользнул глубже, за пределы бумажных картинок, туда, где в тусклом свете кабинета тянулись невидимые нити причин и следствий.

Я нащупала нить Алины — тонкую, дрожащую от напряжения, — и проследила ту, что переплеталась с ней. Нить ее

мужа. Я ожидала увидеть засаленный узел обмана или чужеродное плетение другой женской судьбы. Но ничего подобного не было.

Связь между ними сияла ровным, плотным золотом. Муж любил ее до одури. Никаких чужих духов, никаких тайных квартир. Только абсолютная, железобетонная верность.

Но почему тогда он прячет глаза?

Я потянула за нить вероятностей, ведущую к их вечерам, и едва заметно повела носом. В пространстве кабинета иллюзорно, но очень отчетливо запахло подгоревшей лебедой, недоваренной цветной капустой и отчаянием. Картинка сложилась с кристальной ясностью.

Бедный, бедный мужик, — мысленно усмехнулась я, рассматривая перевернутого «Императора». — Он не Казанова. Он просто заложник здорового питания. Настоящий мученик во имя любви.

Я живо представила, как этот святой человек сидит вечером в каком-нибудь грузинском бистро на Пятницкой. Он откусывает горячий хинкали, обжигаясь пряным бульоном, вытирает жир с подбородка и плачет от гастрономического счастья. А потом возвращается домой, сытый и несчастный, чтобы с виноватыми глазами соврать жене, что у него был плотный бизнес-ланч. Все ради того, чтобы не обидеть свою кулинарную фею.

Я задумчиво коснулась ногтем карты, сохраняя на лице

выражение легкой, пронизательной скорби.

— Интересная картина, — протянула я, неторопливо поднимая глаза на Алину. — Карты говорят с нами метафорами, но их суть однозначна.

— Там другая женщина? — Алина замерла, перестав дышать.

— Нет, — я покачала головой. — Двойка Кубков в корне расклада. Ваш муж предан вам настолько, что готов жертвовать собственным комфортом ради вашего спокойствия. На нем нет и тени другой женщины.

Алина моргнула. Из ее ауры моментально испарилась колючая агрессия, сменившись полнейшей растерянностью.

— А чеки?

Я изящно сдвинула бумажки в сторону.

— Здесь мы видим конфликт материального порядка. Дом — это очаг. А очаг, в первую очередь, это еда. Скажите, Алина, вы давно увлеклись кулинарными экспериментами?

Девушка залилась легким румянцем, нервно поправив ремешок сумки.

— Ну... пару месяцев назад. Я подписалась на блог о детоксе. Хотела, чтобы мы с Денисом питались осознанно...

Осознанно он сейчас заказывает вторую порцию свиных ребер.

— Ваш муж — человек консервативный. Дом для него — это плотная, земная база, — мягко пояснила я, выстраивая слова так, чтобы они звучали значительно, но логично. —

Ему сложно адаптироваться к вашим новым форматам заботы. Его природа требует тяжелой пищи, мяса, классических рецептов. Но он слишком бережет ваши чувства, чтобы сказать прямо: «Мне это не вкусно». Он спасается в ресторанах не от вас, Алина. Он спасается от голода.

Алина уставилась на щеки, словно буквы на них внезапно сложились в слова на латыни. Рот ее слегка приоткрылся.

— То есть... он там просто... ест один?

— Именно. И прячет глаза, потому что ему стыдно вам лгать, — я откинулась на спинку кресла, сцепив пальцы в замок. — Если вы хотите сохранить эту удивительную преданность, которую показывают карты, вам стоит немного изменить тактику. Отложите блоги. Запишитесь на хорошие кулинарные курсы. Изучите итальянскую классику или то, как правильно жарить стейки. В противном случае...

Я выдержала выверенную театральную паузу и скользнула взглядом по Башне, лежащей с краю.

— Развод?! — ахнула она.

— Гастрит, Алина. А в перспективе и язва, — совершенно ровным голосом ответила я. — Карты предупреждают об угрозе здоровью. А лечить желудок в наше время — удовольствие не из дешевых.

Когда она уходила — воодушевленная, с облегченной улыбкой и твердым намерением записаться на мастер-класс по приготовлению говядины по-бургундски, — я стояла у двери, прислушиваясь к стуку ее каблучков по лестнице.

День только начинался, а я уже спасла один брак. И один желудок.

Я медленно потянулась, чувствуя, как прохладный шелк скользит по коже, и пошла на кухню. В отличие от Дениса, я могла позволить себе сварить нормальный кофе без риска обидеть чьи-то чувства.

Тяжелый замок тринадцатой квартиры щелкнул с густым, сытым звуком, отсекая запах воска и свежесваренного кофе от гулкой прохлады подъезда. Я вытащила ключ, привычно перебрала связку в левую руку и сделала ровно два шага через площадку, чтобы открыть дверь своей личной, двенадцатой квартиры.

Тихий вечер на Покровке обещал горячий душ и абсолютное отсутствие людей.

Идиллия разбилась вдребезги о раскатистое сопрано, рухнувшее на меня с третьего этажа.

— Вы издеваетесь?! Я плачу за эту аренду сумасшедшие деньги! Какого черта в этом доме постоянно что-то происходит?! То свет вырубает, то из крана течет какая-то рыжая жижа! Вы понимаете, что мне нужно мыть волосы, а не красить их ржавчиной?! У меня завтра съемки! Мое пространство должно быть чистым, а здесь энергетика, как на тепло-трассе!

Голос гулял по лестничному пролету, многократно отра-

жаясь от облупленных стен. Я остановилась, так и не вставив ключ в замочную скважину.

Аида. Моя персональная головная боль последних двух месяцев и по совместительству гордая финалистка какого-то телевизионного шоу для людей с богатой фантазией. Переехав в квартиру прямо надо мной, она привезла с собой тонну пафоса и поющих чаш, от которых в подъезде теперь стабильно пахло так, словно здесь регулярно отпевали индийских слонов.

Раньше чужая истерика такой плотности ударила бы меня по вискам, но сейчас вопли соседки просто тонули в темной, спокойной воде моего разума, не оставляя на поверхности ни единого следа.

В ответ на ее крик раздался глухой, бесконечно усталый мужской бас:

— Дамочка, я вам еще раз русским языком объясняю. Стояки тут старые. Дом дореволюционный, трубы меняли при Брежнев. Скажите спасибо, что вообще течет. Завтра придем с напарником, будем смотреть подвал.

Я прислонилась плечом к прохладной деревянной раме своей двери, и губы сами собой дрогнули в саркастичной усмешке.

Значит, все-таки взялся за дело.

Буквально пару недель наш местный бес Толик — мелкий пакостник, предпочитающий материализовываться в застиранной майке-алкоголичке и синих резиновых сланцах,

— приходил ко мне с деловым предложением. Аида нанесла ему смертельное оскорбление: великая телевизионная жрица в упор не разглядела в нем потустороннюю сущность. Профессиональная гордость Толика была растоптана. Он рвался в бой, умоляя разрешить ему выжить самозванку, обещая погрызть ей проводку и устроить потоп.

Я тогда запретила ему устраивать протечки, резонно пригрозив, что если с потолка моей двенадцатой квартиры капнет хоть капля, я закатаю его в банку из-под огурцов.

И Толик нашел гениальный компромисс. Он не стал топить ни ее, ни меня. Он просто пустил ей по стояку концентрированную ржавчину. Ювелирная работа.

— Если до завтра вода не станет прозрачной, я напишу жалобу! В мэрию! И порчу на вашу контору найду, будете до конца жизни энурезом маяться! — продолжала бушевать соседка, судя по звукам, яростно хлопая дверью.

— Пишите хоть в ООН, — флегматично резюмировал сантехник, тяжело топая вниз по ступеням.

Через полминуты он показался на моем этаже. Мужчина в потертом синем комбинезоне, с тяжелым ящиком для инструментов, от которого густо несло машинным маслом и табачком. Он бросил на меня хмурый взгляд, ожидая, видимо, продолжения скандала.

Я лишь вежливо улыбнулась ему, отступая на шаг, чтобы дать пройти.

— Тяжелый вечер? — негромко спросила я.

Сантехник остановился, вытирая лоб тыльной стороной грязной ладони.

— Да не то слово, девушка. У вас там соседка сверху... совсем с катушек слетела. Орет, руками машет, про ауру мне втирает. У вас-то вода нормально идет?

Я вспомнила кристально чистую струю, под которой умывалась пару часов назад.

— Идеально прозрачная, — совершенно искренне ответила я. — Никаких проблем.

— Ну вот, — он развел руками. — Мистика какая-то. У всех по стояку нормальная, а у нее одной — грязь. Ладно, извините за беспокойство.

Он тяжело пошагал дальше вниз по лестнице. Я дождалась, пока скрипнет и захлопнется тяжелая подъездная дверь.

На лестничной клетке повисла тишина. И сквозь эту тишину сверху, с площадки третьего этажа, донеслось знакомое, едва уловимое шарканье резиновых сланцев по кафелю. В воздухе тонко, почти неуловимо потянуло застоявшимся сигаретным дымом.

Я подняла голову, глядя в полумрак пролета.

— Ржавая вода, значит? — негромко, в пустоту произнесла я. — Элегантно, Толя.

Сверху раздался сиплый, довольный смешок, и шарканье растворилось в стенах дома. Я повернула ключ в замке и шагнула в свою квартиру, навстречу молчаливой Каре, ужину и

заслуженному бокалу вина.

Кара дремала у меня на коленях, обжигая бедро горячей замшевой кожей. Я как раз сделала глоток вина, прислушиваясь к тяжелому, предгрозовому гулу июльской Покровки за открытым окном, когда в коридоре коротко и нагло рявкнул звонок.

Сфинкс лишь лениво дернула острым ухом. Свои.

Я отставила бокал на столешницу и пошла открывать. Металлический язычок замка клацнул, впуская в квартиру запахи озона, мокрой пыли и легкий аромат терпкого дыма. Мы не виделись почти три недели — вечность для нашего удобного симбиоза, где искренняя дружба всегда отлично уживалась с сексом.

Слава шагнул через порог, стряхивая капли дождя с льняной рубашки. Не тратя времени на расшаркивания, он захлопнул дверь, сделал шаг ко мне и привычно по-хозяйски положил руки мне на талию. Огненный Змей пришел голодным, его желание ощущалось в каждом жесте.

Раньше я бы ответила на этот порыв, но сейчас его голод просто скользнул по зеркальной глади моего разума, не оставив даже ряби. Зато моя новая суть, дремавшая где-то под ребрами, лениво приоткрыла глаз и потянулась навстречу чужой энергии густой, тяжелой волной.

Слава осекся. Его ладони на моей талии дрогнули. Как инкуб, он считывал энергетику пространства кожей, и пропу-

стить такие изменения в моем фоне было физически невозможно. Он медленно отстранился, склонив голову набок и прищурившись.

— Так, — протянул он, внимательно изучая мое лицо. — Я, конечно, скучал, но... ты чего так фонишь? У меня аж зубы сводит.

— Инициация, — я пожала плечами, прислоняясь спиной к прохладной стене и скрещивая руки на груди. — Бабуля наконец-то официально ввела меня в права.

В глазах Славы мелькнуло понимание. Расспрашивать о деталях ритуала он бы никогда не стал — у каждой расы свои закрытые двери, куда не суют нос даже лучшие друзья. Но вот блеск инстинктивного, сугубо змеиного интереса в его взгляде вспыхнул ярко.

— Поздравляю, — он сделал полшага ко мне, явно прикидывая шансы. — И что, теперь к тебе подходить только в костюме химзащиты?

— Хуже. Теперь со мной временно нельзя спать, — я усмехнулась, заметив, как вытянулось его лицо. — Слава, без обид, но я пока эту штуку внутри себя контролирую через раз. Если мы сейчас переспим, контроль слетит. Твоя природа включится, ты начнешь жрать энергию и просто не сможешь вовремя ударить по тормозам. А я тебе случайно выжгу к чертям все каналы.

Слава недоверчиво хмыкнул.

— Я серьезно, — добавила я, убавив иронию. — Ты, ко-

нечно, не помрешь, но полгода на энергетическом больничном тебе обеспечены. Будешь чувствовать себя как перегоревший тостер. Скажи честно, двадцать минут отличного секса стоят полугода мигреней и депрессии?

Повисла пауза. За окном в отдалении глухо рокотнул гром.

Я кивнула на дверь:

— Сгоняй на Маросейку или в любой бар на Китай-городе. Там полно скучающих туристок. Сними кого-нибудь, покорми Змея, сбрось напряжение. Я же не ревнивая жена, Слава, я все понимаю. А ко мне вернешься, когда я научусь держать свою силу на поводке.

Он смотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В его зрачках мелькали хищные золотистые искры, но здравый смысл — качество, за которое я его безмерно ценила, — все-таки взял верх над физиологией.

Слава коротко мотнул головой, отгоняя наваждение, и криво усмехнулся.

— Искать кого-то на Китай-городе в четверг вечером — это сомнительная лотерея, — он наклонился, стянул с ног легкие туфли и аккуратно задвинул их под банкетку. — Да и коктейли там бодряжат.

Он прошел мимо меня напрямиком в гостиную.

— Я закажу суши, — донеслось из комнаты вместе со звуком падающего на диван тела. — А с тебя фильм! И, кстати...

Я зашла в гостиную следом. Слава уже лежал на диване, закинув руки за голову, а Кара, признававшая из всех моих знакомых только его, усердно терлась лысой щекой о его предплечье, издавая звук, похожий на шелест сухой бумаги.

— С тебя рассказ про поездку, — он выразительно посмотрел на меня. — Ты же в Сибирь летала, да? В Новосибирск? Жду подробностей про местных. Ты же знаешь, как я обожаю провинциальные сплетни.

Я опустила в кресло, пряча улыбку за краем бокала.

«О да, — подумала я, вспоминая прошедшую неделю. — История о том, как местная обская русалка пыталась расплатиться со мной за расклад слегка б/ушной покрывшей от Жигули, тебе определенно понравится».

— Договорились, — я отсалютовала ему бокалом. — Только учти, запеченные роллы заказываем с угрем. Я заслужила.

Утро началось с того, что наглый луч июльского солнца пробился сквозь стык плотных штор и ударил мне точно в правый глаз. Я поморщилась, попыталась зарыться лицом в подушку, и тут же осознала две вещи. Первая — в голове мерно, с грацией портового грузчика, перекатывалось эхо вчерашнего Пино Нуар. Вторая — я находилась в своей кровати, хотя последним четким воспоминанием был диван в гостиной и титры какого-то фильма.

Я приоткрыла один глаз и скосила его на себя. Домашние шорты, растянутая хлопковая майка. Все на месте.

Рядом раздался глубокий, ровный вдох. Я медленно повернула голову. Мирослав спал на животе, раскинув руки поверх смятой простыни. Одеяло сползло на пол, обнажая его широкую спину. На стуле в углу спальни аккуратной стопкой покоились его льняные брюки и рубашка.

Картина вчерашнего вечера восстанавливалась кусками: мы доели суши, я в красках расписала ему диалог с сибирской русалкой, мы выпили еще по бокалу, смеясь так, что Кара ушла спать в ванную, а потом... потом Слава включил кино. Кажется, я отключилась ровно на заставке студии. Джентльмен во плоти, он просто перенес меня в спальню, разделся сам и лег рядом, не нарушая границ.

Словно почувствовав мой взгляд, Слава пошевелился. Повернул голову, приоткрыл один глаз, в котором блеснула сонная золотистая искра, и хрипло усмехнулся:

— Доброе утро, гроза сибирских водоемов. Ты как, жива? Или мне звонить в службу воскрешения?

— Жива, — сухо отозвалась я, садясь на кровати и массируя виски. — Но мой организм настойчиво требует пересмотра наших отношений с алкоголем.

Слава перевернулся на спину, заложив руки за голову.

— Я бы сказал, что ты пропустила отличный фильм, но врать не в моих правилах, — он с явным удовольствием наблюдал за моей помятой физиономией. — Ты вырубилась еще до того, как главный герой сказал первую реплику. Просто моргнула и ушла в анабиоз. Я полночи слушал, как ты

храпишь.

— Я не храплю, — с достоинством парировала я, спуская ноги на прохладный паркет. — Я глубоко и ритмично дышу. Это медитативная практика.

— Как скажешь, о великая, — Слава сел, потягиваясь, от чего мышцы на его спине перекатились под кожей. — Кофе в этой медитативной практике предусмотрен?

Через двадцать минут мы сидели на залитой солнцем кухне. Гудение кофемашины казалось лучшей музыкой на свете, а первый глоток обжигающего, горького эспresso почти вернул меня в ряды полноценных членов общества. Слава, уже одетый в свои помятые, но оттого не менее стильные льняные вещи, допивал воду из высокого стакана.

Мы не стали затягивать утренние сборы — у обоих были свои дела, да и легкая похмельная лень не располагала к долгим беседам.

— Ладно, — Слава поставил стакан в раковину и направился в прихожую. Я пошла следом, прихватив кружку с кофе. — Спасибо за ужин, за ночлег и за то, что не сожгла мне каналы. Пожалуй, это лучший итог свидания, на который я мог рассчитывать.

Он влез в свои легкие туфли, выпрямился и коротко, целомудренно коснулся губами моих губ.

— Набери, когда твой внутренний реактор придет в норму, — добавил он с легкой усмешкой. — И выпей аспирин.

— Счастливо, Змей, — я улыбнулась в ответ и повернула

замок.

Тяжелая дверь открылась, впуская в квартиру гулкую прохладу подъезда. Слава шагнул через порог, и в этот же момент сверху, с площадки третьего этажа, раздалось цоканье каблуков.

Аида.

Она спускалась по ступеням с видом королевы в изгнании. На ней было нечто среднее между шелковым кимоно и вечерним платьем, а в руках она сжимала ключи от машины. Увидев нас, она замерла на пролете. Ее взгляд метнулся от моей домашней майки к Славе — расслабленному, возмутительно красивому мужчине, выходящему из моей квартиры в одиннадцатом часу утра.

Лицо соседки неувовимо изменилось. Сквозь маску просветленной телезвезды на секунду проступила самая обычная, банальная зависть. Она надменно вздернула подбородок, словно пытаясь компенсировать эту слабость.

— Доброе утро, — прохладно бросила она, проходя мимо нас. В воздухе потянуло густым ароматом тяжелых, удушливых духов с нотами сандала. — Удивительно, как некоторые люди находят время на... личную жизнь при таком отвратительном качестве воды в доме. Видимо, у вас другие приоритеты.

Слава, остановившийся на полпути к лестнице, медленно обернулся. В его глазах мелькнула откровенная насмешка. Он окинул Аиду оценивающим взглядом, от которого любая

женщина обычно теряла дар речи, и мягко, бархатно произнес:

— Вода — это преходящее, уважаемая. А вот личная жизнь... она либо есть, либо приходится жаловаться на т루бы. Отличного вам дня.

Аида задохнулась от возмущения. Ее рот приоткрылся, чтобы выдать гневную тираду, но Слава уже отвернулся, подмигнул мне и неспешно начал спускаться вниз по лестнице.

Я сделала глоток кофе, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. Мой ментальный щит оставался спокойной, темной гладью, об которую разбивалась чужая злость.

— И вам хорошего дня, Аида, — вежливо, с легкой полуулыбкой добавила я, глядя прямо в ее расширенные от возмущения глаза.

Я отступила назад и плавно закрыла дверь, оставляя соседку наедине с гулкой тишиной подъезда и ее собственными демонами.

Интерлюдия Мирослав

Мирослав вышел из гулкой прохлады дореволюционного подъезда на залитую солнцем Покровку. Июльское утро уже начало прогревать асфальт, обещая городу очередной душный, плавящийся день. Для Огненного Змея эта жара была родной стихией. Он неспешно зашагал в сторону бульваров, засунув руки в карманы льняных брюк.

Встречные женщины неизменно провожали его взглядами. Кто-то смотрел украдкой, кто-то откровенно сворачивал шею. Мирослав впитывал их реакцию как легкий утренний аперитив, даже не поворачивая головы.

Для окружающего мира, и особенно для одной упрямой ведьмы, допивающей сейчас кофе на втором этаже, он был просто Славой. Открытым, славным парнем. Страстным любовником, с которым всегда легко. Никаких драм, никаких претензий, ноль ревности. Идеальный вариант для независимой женщины.

Гениальная, выверенная до мелочей маска.

На его губах скользнула сытая улыбка при воспоминании об их знакомстве. Марго до сих пор считала их встречу случайностью. Она не знала, что этот «славный парень» выслеживал ее полгода, изучая маршруты и привычки. Подкинуть ее впечатлительной клиентке идею потащить свою гадалку

на эзотерическую вечеринку было делом техники. Там Мирослав разыграл перед Марго классического самоуверенного пикапера, позволив ей изящно и жестко себя отшить. Он дал ей иллюзию победы с первой секунды. И крючок был проглочен.

Считая его молодым инкубом, Марго даже не догадывалась, кто именно делит с ней вечера. Внутри покладистого Славы скрывался древний Змей-собственник, для которого эта колючая ведьма давно стала центром мироздания.

Вчера вечером она, нахмурившись, предложила ему найти на ночь какую-нибудь туристку. Объяснила, что после инициации ее энергетика бьет через край, она не до конца контролирует фон и просто боится его обжечь. Мирославу тогда пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться в голос. Обжечь? Его? Старого хищника, который за столетия видел столько ведьмовского огня, что ей и не снилось? Ее новая сила была для него абсолютно безопасна, он смял бы этот жар играючи.

Но он сыграл свою роль безупречно. Изобразил легкое разочарование, привычно отшутился в стиле своего беспечного альтер-эго и никуда не ушел. Вместо этого заказал огромный сет суши, развалился на диване и полночи слушал ее рассказ о недавней поездке в Новосибирск, даже не пытаясь перевести дело в горизонтальную плоскость.

Обычный инкуб бы расстроился от потери «корма». Мирослав же внутренне ликовал. Его холодная, независимая

Марго заботилась о нем. Переживала за его шкуру. Эта неосознанная забота и искренний, расслабленный разговор за роллами грели древнего Змея сильнее любой страсти. Ему давно не нужна была чужая энергия — он хотел *саму Марго*, а ее человеческое, теплое доверие было для него абсолютной драгоценностью.

Мирослав остановился у пешеходного перехода, щурясь на светофор.

Ему не нужна была ревность. Пусть заводит временных человеческих любовников, пусть тешит свою независимость. Он умел ждать. Он медленно, кольцо за кольцом, обернется вокруг всей ее жизни, станет незаменимым фоном, воздухом, привычкой, от которой невозможно отказаться. А потом, когда придет время, этот «славный парень» мягко и как бы в шутку предложит зачать дочь. Ведьмам нужны наследницы.

Мирослав живо представил себе эту картину. Маленькая зеленоглазая ведьма с невыносимым сарказмом Марго и его собственной древней кровью.

От этой мысли на его лице расцвела широкая, совершенно искренняя улыбка. Спокойная улыбка существа, которое уже аккуратно сплело их судьбы воедино, просто его любимая ведьма этого еще не поняла.

Эффект оказался разрушительным для московской улицы. Молодая девушка в легком сарафане, шагнувшая было на зебру, застыла как вкопанная, напрочь забыв, куда шла.

А солидная женщина с макияжем, выходявшая из дверей гастронома, так и осталась стоять с приоткрытым ртом. Бумажный пакет в ее руках предательски хрустнул, дно порвалось, и по серому утреннему асфальту весело покатались глянцевые зеленые яблоки.

Мирослав только шире усмехнулся. Загорелся зеленый свет, и он упругим шагом пошел дальше, предвкушая долгую, потрясающе интересную совместную жизнь.

Июль плавил Покровку. За плотно закрытыми окнами старого фонда раскаленный асфальт дышал пылью и выхлопными газами, но в тринадцатой квартире царил глубокий, почти монастырский полумрак. Кондиционер бесшумно гнал прохладу, Кара растеклась по бархатной обивке кресла, как забытая на солнце карамель, а я медленно цедила ледяной кофе, позволяя холоду умирять легкую, пульсирующую тяжесть в затылке.

Моя единственная на сегодня клиентка сидела напротив и нервно теребила ремешок дорогой сумки.

Марина была из тех девушек, чья красота не требует усилий. Высокая, с безупречной осанкой, без грамма косметики. Ее светлые волосы, выющиеся мелким бесом, падали на плечи непослушным водопадом. В любой другой ситуации она выглядела бы как муза прерафаэлитов, но сейчас напоминала потерянного ребенка.

Чужие эмоции — растерянность, обида и страх собствен-

ной ущербности — бились о мой разум, но теперь они лишь скользили по зеркальной поверхности моего щита, не оставляя даже ряби. Я видела ее отчаяние, но мне было скорее забавно.

— Я не понимаю, Марго, — голос Марины дрогнул. — Это похоже на какое-то проклятие. Сначала все идеально. Искры, свидания, цветы. А потом... Тишина. Они просто исчезают. Третий за месяц перестал отвечать на звонки. А Денис, с которым мы вроде бы прекрасно провели выходные, вчера вообще кинул меня в черный список. Со мной что-то не так? Венец безбрачия? Родовая порча?

Я чуть не поперхнулась ледяным кофе. Венец безбрачия. Как же люди любят перекладывать ответственность за свою жизнь на мифическую бижутерию.

— Оставим венцы в покое, Марина. Это слишком театрально для вашей ситуации, — мой голос звучал ровно, с легким оттенком профессиональной скуки. Я отставила бокал и придвинула к себе колоду.

Мои пальцы привычно скользнули по рубашкам карт. Идеальная ширма для маглов. Пока клиентка замороженно смотрела, как я выкладываю на зеленое сукно крест из арканов, я расфокусировала зрение, заглядывая за изнанку реальности.

В тонком плетении вероятностей не было никаких порч и сглазов. Зато вокруг Марины обнаружился поразительный узор. Две толстые, пудовые нити судьбы, тянущиеся из глу-

бокого прошлого, оплетали ее плотным, непроницаемым коконом. Они работали как два вышибалы на фейс-контроле в элитном клубе: как только к Марине тянулась робкая ниточка нового поклонника, эти двое синхронно били по ней, обрубая на корню.

И что самое восхитительное — эти две нити абсолютно не конфликтовали между собой. Никакой грызни за самку. Глубокий, взвешенный мужской договор. Двое мужчин давно всё решили. Разделили территорию и мирно патрулировали границы. Восхитительный прагматизм.

Я моргнула, возвращаясь в полумрак кабинета, и посмотрела на выложенные карты. Влюбленные, Двойка Чаш и перевернутый Рыцарь Мечей. Ну просто классика жанра.

— Скажите, Марина, — я откинулась на спинку кресла, сцепив пальцы в замок. — Кто забирает вас из баров, когда очередное свидание заканчивается провалом? Кому вы звоните, когда нужно перевезти вещи, прибить полку или просто поплакать в жилетку?

Она удивленно заморгала.

— Ну... Леше и Стасу. Но при чем тут они? Мы дружим со школы. Мы в одной песочнице куличики лепили.

«Куличики», — мысленно передразнила я, наслаждаясь иронией. Святая человеческая простота.

— И оба, смею предположить, до сих пор не обременены узами брака? — вслух уточнила я с легкой полуулыбкой.

Марина нахмурилась.

— Леша был в разводе, сейчас свободен. Стас вообще убежденный холостяк. Они... ну, они как братья!

— Братья. Надо же, — я постучала ухоженным ногтем по Двойке Чаш. — Видите ли, Марина, в вашем пространстве просто нет вакантных мест. Ваш эфир плотно занят. Ваши «братья» создают вокруг вас такую глухую стену собственности, что любой случайный кавалер подсознательно считывает это как угрозу для жизни. Представьте: вы приходите на званый ужин, а по обе стороны от вас стоят два мрачных телохранителя, мысленно примеряющие к шее вашего собеседника удавку. Кто рискнет перезвонить?

Марина побледнела, ее идеальная осанка дала сбой.

— Вы хотите сказать... они отпугивают моих мужчин? Но как? Они же даже не знакомы с ними!

— Мир чуть сложнее телефонной книги, — мягко, но безжалостно парировала я. — Мужчины — существа примитивные, но чуткие. Они кожей чувствуют, когда женщина уже кому-то принадлежит. Даже если сама женщина пребывает в святом неведении. Ваши друзья давно поделили вас. И, судя по всему, они совершенно не против делить вас между собой.

Глаза клиентки округлились до состояния блюдец.

— В смысле... оба? Сразу? Вы шутите?

— Я никогда не шучу за рабочим столом, это портит карму, — я снова взяла бокал. — Признаю, случай редкий. Обычно мужское эго требует единоличного владения. Но ваши друзья оказались умнее. Они решили, что лучше владеть половиной сокровища, чем уступить его целиком какому-нибудь заезжему молодцу с Тиндера.

Марина сидела совершенно неподвижно. Я с садистским удовольствием наблюдала, как в ее голове рушатся старые декорации «крепкой дружбы» и выстраиваются новые, пугающе логичные связи. Случайные взгляды, затянувшиеся объятия, их слаженные шутки, ужины, где она всегда сидела строго посередине.

— Но это же... это же безумие, — пробормотала она, растерянно теребя лямку сумки.

— Люди приходят ко мне за мистикой, забывая, что самые крепкие сети плетутся в быту, — я философски пожала плечами. — Вы упорно ищете кармические проклятия, хотя ответ сидит у вас на кухне и пьет ваш чай. Зачем вам выбирать кого-то одного и ломать многолетнюю идиллию, если можно не выбирать вовсе?

— Вы предлагаете мне... жить с двумя?

— Я предлагаю вам перестать биться лбом о закрытые двери и посмотреть на тех, кто держит ключи, — я плавно собрала карты в колоду. Сеанс окончен. — Купите хорошего вина, Марина. Позовите их на ужин и просто спросите в лоб.

Поверьте, их ответ сэкономит вам массу времени на свиданиях.

Марина медленно встала. В ее глазах растерянность отчаянно боролась с просыпающимся женским любопытством. Идея оказаться в центре узаконенного любовного треугольника пугала ее гораздо меньше, чем она пыталась показать.

— Спасибо, Марго, — тихо сказала она, кладя купюры на край стола. Ее взгляд бесцельно скользнул по стенам кабинета. — Я... я пойду. Мне нужно... нужно всё обдумать...

Когда за ней закрылась дверь, я выдохнула и со смешком откинула голову на спинку кресла.

— Нет, ты видела? — спросила я пустоту комнаты.

Кара мягко прыгнула с бархата, подошла ко мне и потерлась горячим лысым боком о мою лодыжку. В моей голове скользнула ее мысль — ленивое, снисходительное удивление человеческой слепоте.

— Вот именно, — хмыкнула я, наклоняясь и почесывая горячую кожу за кошачьим ухом. — Надо же быть такой слепой. Позволить сплести вокруг себя паутину, обставить всё как милую, уютную дружбу, и даже не пикнуть, когда ловушка захлопнулась.

Я допила остатки ледяного кофе, чувствуя приятное, прохладное превосходство. Инициация дала мне кристальную ясность ума. Я видела нити, видела мотивы, видела людей насквозь.

— Хорошо, что со мной такого точно не случится, прав-

да, Кара? — с иронией протянула я. — Ни один мужчина в здравом уме не сможет притвориться моим милым, удобным другом без обязательств, чтобы медленно отрезать меня от остального мира и загнать в угол. Я бы раскусила это с первой секунды.

Кара прищурила янтарные глаза, глядя на меня снизу вверх, и издала короткий, гортанный звук. Не то мурлыканье, не то тихий, почти издевательский смешок.

Животные понимают в древних хищниках куда больше нас. Но я этого, разумеется, не заметила. Суббота определенно начинала мне нравиться.

Глава 3

Мое утро должно было начаться с чашки крепкого кофе. Вместо этого сквозь метровую кирпичную кладку старого фонда пробился настойчивый, ритмичный грохот, перемежаемый визгливыми криками.

Я открыла глаза. Кара, спавшая в ногах, раздраженно дернула лысым ухом и спрятала нос под лапу, отказываясь участвовать в этом утреннем фарсе. Я вздохнула, спустила ноги на гладкий, теплый паркет и подошла к входной двери. Стоило повернуть замок и приоткрыть щель, как на меня обрушилась первобытная акустика подъездного скандала. Орали так, словно кого-то резали тупым ножом.

Оценив масштаб трагедии, я закатила глаза, закрыла дверь, неспеша вернулась в спальню, накинула поверх пижамы длинный шелковый халат и вошла в тапочки. Если уж смотреть спектакль, то в партере и с комфортом.

Выйдя на лестницу, я неторопливо поднялась на полпролета и оперлась локтем о прохладные чугунные перила.

На третьем этаже кипели шекспировские страсти. Возле массивной двери квартиры номер пятнадцать толпилась инициативная группа нашего подъезда. Сосед с четвертого, Валера — лысеющий мужчина в тренировочных штанах с вытянутыми коленями — остервенело лупил кулаком по

дубовому массиву. Его подбадривала Лидия Петровна, сухонькая пенсионерка с первого этажа, вооруженная потертой сумкой. Чуть в стороне ломала руки Светочка в махровом халате кислотного цвета.

А в центре этого великолепия, багровея и обильно потея, возвышался наш участковый, лейтенант Смирнов.

— Валера, ломай! — надрывалась Светочка. — Там же сдох кто-то! Я вам говорю, она сатанистка! Сектантка проклятая! По ночам бормочет что-то, свечи жжет, теперь вот людей режет!

Я сдержала смешок, прикрыв рот ладонью. В запертой квартире обитала Аида Геллер — недавняя финалистка какого-то телевизионного шоу экстрасенсов. Переехала пару месяцев назад, обвешала дверь амулетами с китайского рынка и называла себя Верховной Жрицей. Местный подъездный бес Толик, существо с тонкой душевной организацией и аллергией на шарлатанов, невзлюбил ее с первого дня. Толик виртуозно портил ей воду в трубах, устраивал замыкания и прятал ключи. Аида, не обладая даже зачатками Видения, списывала всё на гнилые коммуникации старого дома и регулярно скандалила с ЖЭКом.

— Светлана, не голоси! — рявкнул участковый, пытаясь перекрычать толпу. — Не имею права ломать без МЧС и собственника. Сейчас буду хозяину квартиры звонить...

Тут я, наконец, почувствовала то, из-за чего собрался весь этот консилиум. Из-под двери Аиды в подъезд сочился гу-

стой, тошнотворно-сладковатый смрад. Запах разложения. Валера ударил в дверь еще раз, и из щели вырвалось свежее амбре, от которого Лидия Петровна театрально схватилась за сердце.

— Точно труп! — резюмировал Валера, вытирая пот со лба. — Дня три уже лежит, не меньше. Раздуло, поди, на такой-то жаре.

Я приподняла бровь. Три дня? Вчера утром, когда я провозжала Славу, мы столкнулись с Аидой прямо на этом пролете. Она тащила огромный чемодан, благоухала тяжелыми нишевыми духами и выглядела вполне живой, хоть и злой как собака.

Лейтенант Смирнов достал телефон, собираясь звонить хозяину, но тут снизу раздался цокот каблучков. По лестнице, тяжело дыша и волоча за собой тот самый чемодан на колесиках, поднималась «Верховная Жрица» собственной персоной. На ней были огромные черные очки, леопардовый платок и выражение крайней степени усталости.

Толпа на площадке замерла. Валера завис с занесенным кулаком. Светочка открыла рот. На секунду в подъезде повисла звенящая тишина — соседи пытались осознать, как убитая и расчлененная сатанистка умудрилась вернуться с Рижского вокзала.

— Доброе утро, — прохладно поздоровалась Аида, снимая очки. — А что здесь происходит? Выездное заседание суда присяжных?

И тут толпу прорвало.

— Ах ты ж тварь! — взвизгнула Лидия Петровна, бросаюсь вперед с такой прытью, что участковый едва успел перехватить ее за локоть. — Ты кого там уколошила, ведьма?! У нас весь подъезд провонял!

— Какая я вам ведьма, женщина, вы в своем уме?! — возмутилась Аида, пытаясь протиснуться к своей двери. — Я жрица! Я работаю с тонкими материями! Пустите меня в дом!

— Там трупом несет, жрица ты недоделанный! — рявкнул Валера.

Аида фыркнула, достала ключи и с раздражением провернула их в замке.

— Это старый фонд! Тут крысы дохнут в перекрытиях, а вы...

Она распахнула дверь.

Из глубины квартиры в подъезд вырвалась плотная, осязаемая волна концентрированной вони. Это был удар под дых. Валера позеленел и согнулся пополам, зажимая нос. Светочка издала сдавленный писк и ломанулась вниз по лестнице, чуть не сбив меня с ног. Участковый побледнел, но мужественно шагнул в коридор, натянув форменную футболку на нос.

Аида застыла на пороге, хлопая накрашенными ресницами, и, кажется, сама начала сомневаться в своей непричастности к убийствам.

Мое любопытство окончательно победило брезгливость. Я плотнее запахнула халат и, стараясь дышать исключительно через рот, изящно обогнула корчащегося в коридоре Валеру, проскользнув в квартиру следом за лейтенантом.

Эпицентр катастрофы обнаружился на кухне.

Июльское солнце щедро заливало комнату через незашторенное окно, превращая ее в идеальный парник. А прямо посередине обеденного стола, на красивой фарфоровой тарелочке с золотой каемочкой, лежала она. Огромная, синюшная, раздувшаяся до неприличных размеров бройлерная курица.

За выходные при температуре плюс тридцать в наглухо закрытом помещении птица прошла все стадии эволюции наоборот, превратившись в биологическое оружие массового поражения.

Лейтенант Смирнов медленно опустил воротник рубашки. Его плечи начали подозрительно трястись.

Аида, остановившаяся в дверях кухни, смотрела на этот натюрморт с таким первобытным ужасом, словно курица прямо сейчас должна была восстать и потребовать отмщения.

— Я... я ее не доставала, — просипела «Верховная Жрица», прижимая ко рту леопардовый платок. Глаза ее округлились. — Я клянусь! Я перед вокзалом убрала ее в самый нижний ящик морозилки! Оно само!

Она не врала. Я расфокусировала зрение, чуть смещая

угол восприятия, и картинка обрела глубину. От дверцы холодильника к столу тянулся едва заметный, искрящийся след мелкого пакостничества. Воздух здесь был пропитан густым, пыльным хихиканьем.

Бес Толик превзошел сам себя. Достать ледяную тушку из недр морозилки, аккуратно уложить ее на парадную тарелку и оставить на самом солнцепеке прямо перед отъездом хозяйки — это был даже не вандализм. Это было высокое искусство коммунального терроризма. Местный дух, видимо, окончательно устал от запаха дешевых благовоний и решил выкурить шарлатанку ее же оружием.

Я не смогла сдержать короткого, искреннего смешка.

— Ну что ж, Аида, — мой голос прозвучал обманчиво мягко, с ноткой участливого восхищения. — Беру свои слова обратно. Ваш талант некроманта неоспорим. Поднять мертвую птицу из вечной мерзлоты и заставить ее мстить целому подъезду — это уровень, достойный финала любого шоу.

Жрица перевела на меня ошалевший взгляд, не в силах вымолвить ни слова. Участковый Смирнов наконец не выдержал: он согнулся пополам, упираясь руками в колени, и захрипел от сдавленного истерического хохота, который гулким эхом отразился от кафельных стен.

— Вызывайте экзорцистов, Аида, — я плавно развернулась, собираясь покинуть газовую камеру. — Или хотя бы клининг. И мой вам совет: в следующий раз, когда будете общаться с потусторонним, уточните, любят ли они куриный

бульон.

Оставив лейтенанта вытирать слезы от смеха, а Валеру — грязно материться в коридоре, я неспешно вышла на лестничную клетку. Воздух в подъезде теперь казался свежим, как в альпийских горах. Я поправила полы халата и стала спускаться на свой этаж, чувствуя, как на губах играет сытая, довольная улыбка.

Кара ждала меня у приоткрытой двери двенадцатой квартиры.

«Развлеклись?» — читалось в ее ленивом прищуре.

Я наклонилась, подхватила на руки обжигающе-горячую кошку и шагнула в прохладу своего дома.

— Не то слово, — пробормотала я, закрывая замок. — Пойду сварю кофе, нужно перебить эту вонь. И, пожалуй, мы сегодня обойдемся без птицы на обед.

Раскаленный асфальт Покровки отдавал накопленный за день жар, и даже здесь, в гулкой прохладе старинного подъезда, воздух казался густым, настоящим на въевшейся пыли и прогревом камне. Я провернула ключ в замке, мысленно ставя точку в сегодняшнем расписании, когда сверху, с пролета третьего этажа, донеслись голоса.

— Вы только верьте, моя дорогая. Главное — не обрывать нить. Я поставила защиту на ее астральное тело, я четко вижу свет вокруг нее...

Я невольно поморщилась. Аида. Вся ее «сила» заклю-

чалась в драматичном бархатном голосе, обилии звенящих браслетов и феноменальной, непробиваемой наглости. Но зато отлично умела воскрешать бройлера из магазина. Я мысленно рассмеялась, вспоминая ее выражение лица и переполох соседей, они ждали труп, а нашли протухшую курицу.

— Спасибо вам... Господи, спасибо! — голос второй женщины дрожал, срываясь на влажный, отчаянный шепот. — Я в полицию как на работу хожу, а они только бумаги перекладывают. Если бы не вы... Я ведь чувствую, что она жива. Вы ведь точно ее видели?

— У воды, в безопасном месте, — еле слышно пропела Аида. — Ступайте. И помните про свечи на алтаре.

Хлопнула дверь. По истертым каменным ступеням застучали торопливые шаги.

Я вытащила ключ из скважины и обернулась.

Женщина спускалась по лестнице, судорожно комкая в руках ремешок сумки. Горе высушило ее, заострило черты лица, оставив лишь лихорадочно блестящие глаза и резкие тени под ними. Воздух вокруг нее был тяжелым, вязким от концентрированного, сводящего скулы отчаяния.

Она мазнула по мне невидящим взглядом и торопливо кивнула, проходя мимо. Я вежливо опустила глаза.

И замерла. Связка ключей больно впиалась в ладонь.

За ее правым плечом, в шаге позади, тянулась бледная, выцветшая тень. Не метафора. Девочка лет шести.

Она не шла по ступеням — ее босые ноги просто скользили в сантиметре над камнем. На ней был легкий летний сарафанчик, одно плечико спустилось. В ней не было прозрачности или киношного свечения, она казалась скорее визуальной аномалией, серым, выцветшим пятном на старой фотографии, выбивающимся из общей геометрии подъезда. Девочка неотрывно смотрела на спину матери. Ее маленькая ладошка была судорожно сжата, словно она пыталась ухватиться за подол чужого платья, но пальцы просто скользили сквозь ткань.

Я прищурилась, позволяя зрению сместиться. Окружающий мир на секунду потерял плотность, обнажая изнанку.

Нити вокруг женщины были спутаны и надорваны. Три грубых, черных узла на недавнем прошлом. Три дня. Ребенок пропал три дня назад, и все это время мать металась в слепой панике, пока не принесла свои деньги и свою беду на этаж выше, к женщине с браслетами.

От призрака девочки тянулся тонкий, обрубленный след. Он пах сырой землей, долгим страхом и стылой неподвижностью. Никакого света и безопасного места у воды. Девочка была мертва. И судя по тяжести призрака, привязанного к материнской скорби — мертва уже не первые сутки.

Женщина скрылась за поворотом на первый этаж, а я так и осталась стоять у своей двери.

В горле встал горький, тошнотворный ком. Я глубоко вздохнула, чувствуя, как внутри медленно, но верно закипа-

ет глухая, ледяная ярость.

Одно дело — впаривать чистку кармы скучающим женам бизнесменов. Продавать приворотные травы, заговаривать воду на похудение, снимать воображаемые венцы безбрачия у тех, кому просто нужен психолог и абонемент в зал. Это просто налог на глупость.

Но смотреть в глаза матери, за спиной которой стоит неупокоенный, мертвый ребенок, и за деньги вливать ей в уши елейную ложь о том, что девочка жива... Это было за гранью. Ложь Аиды смердела в воздухе липкой, сладковатой гнилью. Она дала матери ложную надежду, которая через несколько дней обернется таким ударом, от которого эта женщина уже вряд ли оправится.

Я разжала побелевшие пальцы. На ладони остались глубокие красные вмятины от ключей.

Я не побегу наверх выбивать двери. Не стану устраивать сцен и тыкать шарлатанку носом в ее уродливую человеческую суть — это бессмысленно. Но прямо сейчас по улицам этого душного города идет сломанная женщина, за которой по пятам скользит молчаливая тень в сарафане с ромашками.

Я шагнула к своей двери. Нужно позвонить. У меня есть пара контактов в органах, и я знаю, за какие нити потянуть, чтобы поисковики «случайно» изменили квадрат прочесывания и нашли то место, где пахнет сырой землей. Эту извращенную, больную надежду нужно оборвать как можно ско-

рее, пока она не свела мать с ума окончательно.

В моей квартире царил спасительный полумрак. Тяжелые льняные шторы отсекали безжалостное июльское солнце, а кондиционер исправно поддерживал иллюзию прохлады. Я бросила связку ключей на тумбочку — металл звякнул в тишине резким, раздражающим аккордом.

С дивана бесшумно спрыгнула Кара. Горячая, замшевая на ощупь кошка потерлась о мою щиколотку, и я привычно опустила руку, скользнув пальцами по ее упругой спине. Между нами мгновенно натянулась невидимая струна: Кара уловила мое состояние, ответив тихим, почти утробным ворчанием. Я транслировала ей короткий импульс спокойствия, хотя внутри все еще стоял пепельный привкус чужого горя.

Я прошла на кухню, налила стакан ледяной воды и села за ноутбук.

Чтобы дергать за нужные нити, нужно знать, к чему они привязаны. Я не знала ни имени женщины, ни того, как звали тень, скользившую за ней по лестнице. Но современному магу редко нужны хрустальные шары, когда есть поисковики. В Москве каждый день пропадают люди, но исчезновение шестилетнего ребенка — это всегда громко. Это ориентировки на каждом столбе и кричащие заголовки.

Экран ожил, заливая лицо бледным светом. Пальцы легли на клавиатуру.

«Пропала девочка 6 лет Москва июль».

Информации оказалось даже слишком много. Поисковые

отряды развернули кампанию еще позавчера. Третья ссылка привела меня на форум волонтеров. С экрана на меня смотрело круглое, улыбающееся лицо с щербинкой между передними зубами.

«Полина В. Вышла со двора 11 июля около 16:00. Была одета: светлый сарафан с рисунком из ромашек...»

Я прикрыла глаза, отпивая ледяную воду. Сарафан с ромашками. Одно плечико спущено. Все верно.

Я пробежалась глазами по тексту. Строгино. Спальный район, окруженный парками, затонами и пляжами. Теперь стала понятна мерзкая природа «видения» нашей подъездной прорицательницы. Аида просто открыла утренние новости, прочитала, где шли поиски, и слепила из этого свое елейное «я вижу ее у воды, на светлом берегу». Дешевая, стервятничья логика.

Кара запрыгнула на стол, уселась рядом с ноутбуком и, не мигая, уставилась на фотографию Полины желтыми инопланетными глазами. Воздух вокруг монитора на секунду стал густым, будто налился свинцом.

Я нахмурилась, чувствуя легкий, едва уловимый диссонанс. Что-то в этой новости резонировало, цеплялось за соседние вероятности. Словно под тканью текста бился глухой, ритмичный пульс.

Я открыла новую вкладку. Вбила название района. Добавила фильтры по новостям за последний год.

«Пропал ребенок Строгино».

Страница обновилась. Я медленно прокрутила мышку вниз, и тишина в квартире стала почти осязаемой.

В апреле этого года в том же Строгино, в районе аллеи Дороги Жизни, исчез семилетний мальчик. Нашли только его велосипед.

В октябре прошлого года — девочка, пять лет. Ушла с детской площадки, пока няня отвлеклась на телефон.

Три ребенка в одном районе меньше чем за год. Для огромного мегаполиса статистика могла показаться случайной, растворенной в общем шуме криминальных хроник. Но я смотрела на эти три новости, и мое зрение само по себе меняло фокус. Я видела не текст. Я видела три грубые, оборванные нити, стянутые в один темный, пульсирующий узел. Это не было совпадением. Это был почерк.

Пальцы сами вбили новый запрос, расширяя географию. Московская область. Тот же возраст, те же обстоятельства.

Поисковик выплюнул еще два архивных дела. Ноябрь позапрошлого года — Красногорск. Февраль прошлого — Химки. И если посмотреть на карту, все эти точки ложились в единый, уродливый узор, тяготеющий к северо-западу.

Я откинулась на спинку стула. Кара переступила лапами, и от ее кожи потянуло тонким запахом сухой полыни.

Кошка реагировала на изменение магического фона в комнате. А фон менялся, потому что я злилась. Температура моего тела медленно поползла вверх, подушечки пальцев ощутимо покалывало.

Я сверлила взглядом экран ноутбука, где синие геометки на карте сливались в один уродливый маршрут. И тут внутри шевельнулась Сила. Она просто проснулась, откликаясь на мою глухую ярость, и в голове всплыло четкое, кристально ясное Знание. Будто кто-то вложил мне в мозг готовый файл.

Блядская родовая магия. Иногда она работала быстрее любого поисковика.

Я вдруг совершенно точно поняла, как именно найти то место, где эта тварь прячет тела. Просто знала, что нужно сделать. Без всякой дедукции. Но чтобы всё сработало, мне кое-чего не хватало.

Я потянулась к телефону.

Гудки шли долго. Наконец на том конце раздался тяжелый, прокуренный вздох.

— Да, Марго.

— И вам добрый день, Виктор Олегович, — ровным тоном произнесла я. — Звоню по поводу вашего маньяка с северо-запада. Того, что детей забирает.

На том конце провода повисла тяжелая, густая тишина.

Потом слышались глухие шаги, скрип открываемой двери и щелчок замка. Усольцев вышел из кабинета или, наоборот, закрылся в нем от лишних ушей.

— Откуда утечка? — голос генерала стал сухим, без единой дружелюбной ноты. — Эта информация под грифом, Марго. В прессе нет ни слова про серию.

— Интернет — большая деревня, Виктор Олегович. А ба-

зы данных — как решето, — спокойно ответила я, не моргнув глазом. — Если знать, где искать, и правильно раскинуть карты, картинка складывается сама собой.

Усольцев хмыкнул, но напряжение никуда не ушло. Он был прагматиком.

— И зачем ты мне звонишь?

— Предлагаю услуги. У меня есть понимание, к какому квадрату он привязан. Могу сузить вам зону поисков.

— Охрененно, — генерал издал смешок, больше похожий на кашель. — И что мне сказать на планерке? Товарищи офицеры, отставить работу, мне тут знакомый таролог раскинула картишки и подсказал, кого ловить?

— Вам не обязательно указывать источник в рапортах. Просто дайте мне эмпатический якорь. Личную вещь последней девочки.

— Марго, у меня нет времени на эти пляски с бубном. У меня прокурор на проводе висит и куча других дел и обязанностей.

— Тогда не тратьте свое время. Пришлите ко мне кого-нибудь из своих, кому доверяете. Пусть привезет вещь. Игрушку, заколку — что угодно, главное, что-то из ее вещей.

Усольцев снова тяжело вздохнул. В трубке щелкнула зажигалка.

— Прислать кого-нибудь... Марго, ты не представляешь, какие у меня в управлении сплетники. Менты хуже бабулек на лавках. Только дай повод — разнесут, что генерал Усоль-

цев совсем поехал кукушкой на старости лет и к экстрасенсам обращается. А у меня, знаешь ли, репутация. И звезды на погонах.

— Виктор Олегович...

— Я подумаю, — резко оборвал он.

Короткие гудки ударили по ушам.

Я отвела телефон от лица, глядя на погасший экран. Отказом это не было. Усольцев был слишком умным мужиком, чтобы отбрасывать даже призрачный шанс, когда у него на руках висяк с мертвыми детьми.

Он пришлет человека. Неофициально, скрипя зубами, но пришлет.

Я встала из-за стола, чувствуя, как внутри пульсирует горячая, не находящая выхода Сила. Кара спрыгнула на пол и потерлась о мою ногу.

Нужно было остыть, привести себя в порядок и сварить кофе. Я не знала, кого именно отправит Усольцев, но этот человек точно переступит мой порог с железобетонным скепсисом на лице. А значит, мне нужно подготовить идеальные декорации для своего маленького спектакля.

Сообщение от Усольцева упало на телефон только в начале восьмого. Короткое, сухое: «Вечером заскочат».

Я в ответ скинула адрес и номер квартиры — тринадцать.

А потом началось ожидание. К девяти вечера я успела известись до такой степени, что магия внутри начала скрестись

о ребра, требуя выхода. Я выпила три чашки кофе, несколько раз бесцельно перетасовала колоду и едва не спалила взглядом турку на плите. Мое тело было напряжено, температура фоном держалась на верхней границе, отчего Кара, чувствуя этот жар, не отходила от меня ни на шаг.

Звонок раздался, когда часы показали четверть десятого. Я глубоко вдохнула, загоняя лишнее тепло поглубже, одернула шелковую блузку и пошла открывать.

На пороге стоял мужчина. Высокий, сухощавый, с такой прямой спиной, будто под светлой рубашкой с коротким рукавом прятался металлический стержень. Джинсы, кроссовки — классический неброский прикид.

Я скользнула взглядом по его лицу и мысленно хмыкнула. Морковно-рыжие волосы, светлые, почти невидимые ресницы, россыпь веснушек на носу. Внешность взрослого мальчишки, эдакого рубахи-парня. Вот только стоило посмотреть ему в глаза, как этот образ рассыпался в пыль.

Взгляд у него был жесткий. Абсолютно холодный, тяжелый, цвета битого зеленого стекла. Симпатичный, жилистый мужик лет тридцати пяти, который смотрел на меня так, словно прикидывал, по какой статье меня проще закрыть — за мошенничество или за трату времени при исполнении.

— Маргарита? — голос у него оказался под стать взгляду, ровный и сухой.

— Она самая. Проходите.

— Оперуполномоченный Чернов, Андрей Павлович.

Он перешагнул порог, держа в опущенной руке плотный сейф-пакет. Разуваться он не стал, лишь коротко вытер подошвы кроссовок о коврик.

Я провела его в гостиную, которая служила мне кабинетом. Тяжелые портьеры были плотно задернуты, на круглом столе лежала колода Таро, в стороне горела единственная свеча, отбрасывая теплые блики на полированное дерево. Все как положено, идеальные декорации.

Чернов остановился посреди комнаты, обвел мое рабочее место скептическим взглядом. На его веснушчатом лице крупными буквами читалось: «Какого хрена я здесь делаю на ночь глядя?».

С дивана бесшумно прыгнула Кара. Она подошла к ногам Чернова, понюхала его кроссовки, а затем уселась рядом и не мигая уставилась на гостя своими инопланетными желтыми глазами.

Чернов покосился на сфинкса, но пакета из рук не выпустил.

— Генерал сказал, вы можете помочь сузить квадрат поисков, — произнес он тоном, в котором не было ни грамма веры в собственные слова. — И просил передать вам это.

Он чуть приподнял пакет, но продолжал держать его при себе. Оценивал меня. Проверял на прочность.

— Присаживайтесь, Андрей Павлович, — я указала на стул напротив себя и опустилась в кресло, мягко, по-кошачьи. — Положите пакет на стол. И не смотрите на меня так,

будто я собираюсь продать вам чистку кармы. Я ценю свое время не меньше вашего.

Чернов хмыкнул, но на стул сел. Пакет лег на центр стола. Внутри, сквозь прозрачный пластик, виднелась маленькая, выцветшая от солнца панاما с вышитой на ней неуклюжей ромашкой.

Сила внутри меня мгновенно сделала стойку. Я почувствовала ее зов — глухой, вибрирующий гул, требующий прикоснуться к якорю.

— У вас есть карта района поисков? — спросила я, не отрывая взгляда от пакета.

Чернов молча вытащил из заднего кармана джинсов сложенную вчетверо распечатку и бросил на стол. Северо-запад. Строгино, кусок МКАДа и зеленая зона. Карта была испещрена красным маркером — контуры, где полиция и волонтеры уже прошли цепью.

Я развернула лист, положила его рядом с сейф-пакетом и взяла в руки колоду Таро.

— Что сейчас будет происходить? — сухо поинтересовался Чернов. Он сидел, скрестив руки на груди, и всем своим видом транслировал железобетонный скепсис.

— Я буду искать резонанс, Андрей Павлович. Вещь помнит эмоции. Карты помогут мне перевести этот фон в визуальные образы. А вы будете слушать и думать, где в вашем районе есть место, подходящее под описание.

Я отложила колоду, пододвинула к себе пакет с детской

панамой и положила на него обе ладони. Пластик скрипнул под пальцами.

Для Чернова я просто закрыла глаза.

А для себя — повернула ключ в замке, как велело Знание рода. Ткань панамы хранила на себе стихию Воздуха — последний крик, детский ужас, сбитое дыхание. Девочка была мертва и зарыта, а значит, принадлежала Земле. Мне нужно было просто соединить одно с другим, используя себя как проводник.

Я толкнула свою Силу вниз, по рукам. Мой внутренний Огонь ударил в остатки Воздуха на вещи.

Температура моего тела скакнула так резко, что воздух в гостиной мгновенно пересох и затрещал, как перед грозой.

Кара на полу утробно, с угрозой зарычала.

Чернов приподнял светлую бровь, скосив глаза на сфинкса. На его лице крупным шрифтом читалось: «Что за хрень?».

Но я уже не была в комнате.

Огонь поглотил Воздух, и пространство для меня на секунду схлопнулось. Меня физически швырнуло на другой конец резонанса.

Тьма. Ледяной холод перекопанной земли, перемешанной с острыми кусками строительного мусора. Я не видела место, я ощущала его кожей. В нос ударил густой, тошнотворный запах ржавчины, старого бетона и технического масла. Рядом давила своим присутствием стихия Воды — но вода бы-

ла мертвой, стоячей, запертой в трубах и покрытой гниющей тиной. Абсолютная, глухая изоляция. Замкнутый контур.

Это длилось долю секунды.

Я с силой разорвала контакт и открыла глаза, с шумом втягивая воздух в легкие.

Чернов смотрел на меня уже без усмешки. Он физически почувствовал жар — на его виске блестела капля пота, а рубашка на груди чуть натянулась от учатившегося дыхания. Но вопросов он задавать не стал.

Я быстро, пока в горле еще стоял привкус ржавчины, сдвинула пакет, взяла колоду и швырнула на карту района три карты.

Башня. Повешенный. Восьмерка Кубков.

— Девочка мертва, капитан, — мой голос прозвучал чуть более хрипло, чем обычно. Я сглотнула вязкую слюну. — И судя по раскладу, это не случайность и не разовая акция. Тот, кто ее забрал, делает это не впервые. У вас серия. Генерал по телефону промолчал, но карты показывают четкий паттерн.

Глаза Чернова сузились. Его зеленоватый взгляд стал колючим и очень цепким. Мент в нем мгновенно оценил, что я вскрыла информацию, которой не было в прессе. Но вслух он ничего не подтвердил. Только чуть подался вперед.

— Дальше.

— Дальше — он не прячет то, что забирает, в лесу, — я постукала наманикюренным ногтем по карте «Башня». —

Карты показывают искусственную изоляцию. Вы ищете в парках, а нужно искать в бетоне. Ржавчина. Строительный мусор, перемешанный с глиной. Толстые бетонные перекрытия и стоячая вода. Запах технического масла. Это закрытая территория, заброшенное сооружение.

Чернов нахмурился. Его взгляд метнулся к распечатке.

— Заброшка у воды, — медленно проговорил он.

— Слепая зона, — подтвердила я. — Куда вы не отправляли поисковиков, потому что «ребенок туда не мог забрести сам». Ублюдок чувствует себя там хозяином.

Чернов молчал несколько долгих секунд, буравя взглядом карту. Потом его палец опустился на серый сектор у излучины реки, за пределами красного маркера.

— Старая насосная станция. И коллектор при ней, — процедил он сквозь зубы. — Огорожена бетонным забором, сброс воды перекрыт лет десять назад. Охраны нет, висит на балансе города. Мы по периметру прошли, внутрь не совались — замки на воротах старые, вроде не сорванные.

Я взяла карту «Восьмерка кубков» и положила прямо поверх того места, куда указывал его палец.

— Значит, он заходит не через ворота. Проверьте насосную, Андрей Павлович. И мой вам совет... — я посмотрела прямо в его светло-зеленые глаза. — Возьмите лопаты. Девочка мертва и закопана там. Как и остальные пропавшие дети. Она там не одна.

Чернов медленно поднялся. Он не проронил ни слова.

Никаких подтверждений, никаких эмоций — только жестко сжатые челюсти. Молча сгреб со стола карту, забрал сейф-пакет с панамой. На пороге он на секунду обернулся.

— Если там пусто, Маргарита, я лично оформлю вам штраф за препятствование следствию.

— А если не пусто, с вас хороший кофе, оперуполномоченный Чернов, — спокойно ответила я.

Входная дверь закрылась. Я прикрыла глаза, позволяя Силе свернуться обратно. Тело ломило от отката, температура начала медленно падать до моей привычной нормы.

Теперь оставалось только ждать.

Глава 4

Я провалилась в сон, едва голова коснулась подушки, и проспала до самого утра. Организм, привыкший брать энергию из пространства, быстро восстановил баланс. Я проснулась бодрой, лишь на задворках сознания фоном бродил легкий, монотонный гул — своеобразное похмелье от вчерашних силовых манипуляций со стихией.

Скинув одеяло, я отправилась на кухню.

Пока в турке медленно поднималась густая кофейная шапка, а на сковороде шкварчала глазунья, я задумчиво смотрела в окно на залитую утренним солнцем Москву.

Как там Чернов? Наверняка полночи поднимал начальство и выбивал ордер на вскрытие насосной. Интересно, нашли уже тела? И когда, наконец, возьмут ту мразь, которая все это сделала? Это был лишь вопрос времени, маховик уже запущен.

Я перелила кофе в чашку и вспомнила, с чего именно запустился этот маховик.

С лестничной клетки. С заплаканной женщины. И с еле слышимого голоса Аиды Геллер. Ирония заключалась в том, что если бы эта отчаявшаяся мать не пришла к Аиде, я бы никогда не увидела оборванную нить и не влезла бы в это дело.

Эта шарлатанка въехала в квартиру на третьем этаже все-

го пару месяцев назад. В целом, она мне не мешала. Клиенты ее особо не беспокоили, а к вонючему дешевому ладану и жженым травам, тянущейся по лестнице, я быстро привыкла. Однажды Аида, случайно узнав, что я работаю с Таро, даже снизошла до царского жеста — предложила пойти к ней в ученицы. Я тогда вежливо отказалась, мысленно окрестив ее безобидной мошенницей, собирающей налог на чужую глупость.

Но обещать матери живого и здорового ребенка, когда тот уже гниет в земле — это откровенно бессовестное вранье. Такое беспринципное скотство меня зацепило.

Исконно ведьминская мстительность требовала справедливости. Не проклятий или порчи — это прошлый век. В современном мире есть оружие куда более эффективное. Мне нужно было просто поубавить спеси с этой телевизионной дивы. И для этого у меня была Аня.

Мы с Аней вместе учились. Хваткая, упертая девочка из провинции. У нее не было ни денег, ни связей, но она просто вгрызалась зубами в любую возможность, чтобы выбить себе место в столице. Сейчас у нее была ипотека, муж и ребенок. Дома она была идеальной, любящей матерью, но в работе превращалась в абсолютную суку с бульдожьей хваткой. Если она чуяла скандал, оторвать ее можно было только с куском мяса.

Я потянулась к телефону, чтобы набрать ей, но тут же одернула руку.

Нет. Не сейчас.

Если я сегодня солью журналистке: «Копай под Аиду, скоро полиция найдут труп», Аня первой же вцепится мне в горло. «Откуда инфа? У тебя кто-то в следствии?». Я сама стану для нее сенсацией. А мне светиться нельзя.

Ведьмы выживают потому, что умеют ждать и действовать чужими руками.

Я отложила телефон и с удовольствием откусила тост. План был простым и изящным.

Нужно дождаться, когда Чернов сделает свою работу. Как только полиция вскрыет коллектор и информация просочится в прессу, я позвоню Ане. Как бы между делом упомяну, то что нужно.

Ане не нужно будет повторять дважды. Она сама сопоставит даты, найдет мать и поднимет скандал на костях. Конечно, Аиду это не уничтожит — черный пиар тоже пиар, и найдутся идиоты, которые ее поддержат. Но нервы ей вымотают знатно, контракты порежут, а главное — глянцева спесь с нее слетит очень быстро.

А чтобы скандал горел ярче, я напрягу пару своих должников. Пусть накинут на вентилятор в социальных сетях, подогреют комментарии под статьями. Народ любит линчевать зарвавшихся звезд.

Я сделала глоток отличного кофе. Теперь оставалось только просматривать новостные ленты и ждать хода полиции.

Интерлюдия

Чернов

Я вышел из подъезда на Покровке и щелкнул зажигалкой. Ночной воздух был душным, но после тринадцатой квартиры меня слегка знобило.

Я затынулся, глядя на сейф-пакет с детской панамой, брошенный на пассажирское сиденье. Кожа на ладонях до сих пор помнила ненормальный, сухой жар. Трюк с кондиционером? Скрытые обогреватели под столом? Плевать. Я не верил в мистику. Я верил в криминалистику, поведенческий анализ и в то, что люди обожают усложнять.

Эта Маргарита не была гадалкой. Она была чертовски умным профайлером, который прятал свою аналитику за колодой раскрашенных картонок. Она не назвала мне ни имени, ни примет. Она просто взяла карту района и ткнула в идеальную «слепую зону», до которой мы, зашоренные инструкциями, не додумались.

Заброшка, изоляция, бетон. Звучало логично.

Утром в УВД Северо-Западного округа было не протолкнуться. Усольцев с Петровки давил на нашего начальника, начальник давил на розыск. На утренней планерке подполковник Зуев, красный от недосыпа, требовал расширить зону поисков водолазов.

— Товарищ подполковник, — я поднялся с места. — Мы чешем реку, но игнорируем береговую линию. На излучине стоит старая насосная станция. Объект законсервирован, висит на балансе города. Территория глухая. Если фигурант

местный, он знает, что туда никто не сунется. Прошу выделить группу для осмотра.

Зуев посмотрел на меня тяжело, пожевал губу.

— Замки там висят?

— Висят. Но это не проблема для того, кто умеет пользоваться болторезом.

— Бери оперов и кинолога, Чернов. Если там пусто, сам будешь перед муниципалами за сломанные ворота отписываться.

Через три часа мы срезали петли на ржавых воротах коллатора.

Внутри воняло. Стоячая вода, плесень, старое машинное масло. И еще кое-что, пробивающееся сквозь этот технический фон.

Кинолог отпустил поводок. Овчарка метнулась вглубь, обнюхивая бетон, запетляла и скрылась в дальнем отсеке, за массивными перекрытиями. Через секунду оттуда раздался звонкий лай, перешедший в глухое, нервное поскуливание. Собака села.

Мы с операми подошли следом. Земля в углу была неровной. Холмистой. Сюда никто не ходил, ублюдок даже не пытался маскировать ямы.

Я взял лопату, подошел к ближайшему свежему холмику и аккуратно снял верхний слой грунта. Буквально штык в глубину. Металл звякнул о плотный строительный полиэтилен. Я подцепил край, чуть надорвал.

В нос ударил концентрированный, сладковатый запах гниющей плоти, щедро пересыпанной дешевой хлоркой.

Я тут же воткнул лопату в землю и отступил.

— Всё, стоп, — скомандовал я своим парням. — Ничего не трогать. Выводите собаку и звоните в СК. У нас тут серия. Пусть присылают следаков и криминалистов со всем оборудованием.

А дальше началась долгая, тошнотворная рутина.

Мы оцепили территорию. Приехали следователи и криминалисты. Они работали сутки напролет. Ставили прожекторы, ковырялись в земле совочками, просеивая каждую горсть влажной глины.

Мы с операми просто стояли за оцеплением, курили одну за другой и смотрели, как из коллектора выносят черные пластиковые мешки.

Один. Три. Пять.

Ублюдок заматывал их в пленку. Некоторым телам был год, и там работали судмедэксперты, собирая кости. Последняя девочка пролежала там всего три дня.

Тварь был аккуратен. Но копать спрессованную землю в закрытом помещении — тяжело. Человек потеет. Человек устает. И всегда совершает ошибку.

Криминалисты нашли эту ошибку на вторые сутки раскопок. В полуметре от третьей ямы, глубоко втоптанная в грязь, лежала пустая пластиковая бутылка из-под дешевой газировки. Тот, кто ее бросил, работал без перчаток. Один

четкий отпечаток большого пальца.

База данных МВД выплюнула совпадение через час.

Зверев Олег Викторович, сорок два года. Работает электриком в ЖЭКе. Ранее судим за кражу. Жил один в хрущевке в Южном Тушино. Обычный мужик с жидкими волосами, который имел доступ к ключам от городских коммуникаций.

Брали мы его жестко, под утро. Вышибли дверь вместе с косяком. Он даже не успел понять, что происходит, когда мордой впечатался в линолеум, а я защелкнул на его запястьях браслеты.

Он не сопротивлялся. Лежал и только поскуливал, глядя в пол пустыми рыбьими глазами.

А потом начался обыск.

В спальне, в шкафу, нашлась коробка из-под обуви. В ней лежали трофеи. Дешевые электронные часы. Маленький красный браслет. Заколка-бабочка. Пять вещей. Пять детей.

Я стоял посреди этой вонючей, заставленной пустыми пивными бутылками квартиры, смотрел на детские вещи, и внутри накатывала глухая, тяжелая пустота.

К вечеру следственные действия свернули. Зверева увезли в изолятор. Начальство готовилось к пресс-конференции.

Я вышел на улицу, сел в служебную машину и устоялся на руль. Смена закончилась. Можно было ехать домой, принять душ и проспять сутки. Но впереди еще несколько дней писанины, рапорты, отчеты.

Глава 5

Три дня спустя я стояла на кухне, методично нарезаю овощи для ужина. Сковорода тихо шкварчала, пахло оливковым маслом и базиликом. В гостиной фоном бубнил телевизор — шла вечерняя сводка криминальных новостей и происшествий, привычный городской шум, который я обычно даже не воспринимала.

Но внезапно сквозь шипение масла пробился голос диктора, сменивший интонацию на тревожно-официальную.

«...страшная находка на северо-западе столицы. Сегодня днем на территории заброшенной насосной станции...»

Нож замер в миллиметре от доски. Я вытерла руки о полотенце и быстрым шагом прошла в гостиную. Схватила пульт, прибавляя громкость.

«...было обнаружено тело шестилетней Полины В., пропавшей одиннадцатого июля в районе Строгино. По предварительным данным следствия, девочка стала жертвой серийного убийцы. На месте работают криминалисты. Как сообщают наши источники, в коллекторе обнаружены останки еще нескольких детей. Их личности сейчас устанавливаются...»

Картинка на экране сменилась. Студийный лоск исчез, уступив место дергающейся камере репортера.

Я стояла посреди комнаты и смотрела, как на экране мелькают проблесковые маячки полицейских машин. Лента оцепления дрожала на ветру. На заднем фоне возвышались массивные, поросшие мхом бетонные блоки и ржавые трубы старого водосброса.

Чернов сделал свою работу. Он вскрыл этот гнойник.

Внутри не было ни торжества, ни радости от собственной правоты. Только глухая, тяжелая пустота и странное физическое ощущение холода. Одно дело — продираться сквозь землю и чувствовать привкус крови в видении, и совсем другое — видеть, как из-под бетона в черных пластиковых мешках выносят то, что осталось от детей.

Кара запрыгнула на тумбочку под телевизором и молча уставилась на экран.

Камера снова дернулась, выхватывая толпу зевак за оцеплением, и вдруг взяла крупный план.

У машины скорой помощи стояла женщина. На плечи ей был накинут плед, рядом суетился фельдшер с наштатырем, но она его не замечала.

Я узнала ее сразу. Та самая женщина с лестничной клетки.

На ней не было лица. Взгляд, который еще три дня назад был стеклянным от отчаянной надежды, теперь стал абсолютно мертвым, обращенным в никуда. Иллюзия, купленная у Аиды Геллер, разбилась вдребезги о сырой бетон насосной станции.

Я стиснула челюсти так, что скрипнули зубы.

«К другим новостям, — бодро переключился диктор, возвращаясь в студию. — На внешней стороне МКАД столкнулись три большегруза, движение парализовано...»

Я нажала на кнопку, отправляя телевизор в беззвучный режим. Тишина обрушилась на комнату.

Пора. Следствие дало официальный старт, маховик запущен.

Я шагнула к дивану, взяла свой телефон и, не тратя времени на переписки, набрала номер Ани.

Гудки шли долго. Наконец трубку сняли, и на фоне раздался характерный стук клавиатуры.

— Привет, Марго, — голос Ани звучал чуть рассеянно. — Ты вовремя, у меня как раз редактор над душой не висит. Случилось что?

— Привет. Да нет, просто новости смотрела, вспомнила про тебя. Как там твой Макс? В садик пошел уже?

— Ой, пошел, — Аня тяжело вздохнула, стук по клавишам прекратился. — Три дня ходим, неделю сопли лечим. Муж вешается, я вешаюсь. Вчера полночи презентацию доделывала одной левой ногой. Сама-то как? Клиентура идет?

— Идет потихоньку. Все стабильно. Устала просто немного от чужих проблем.

Я замолчала на пару секунд, слушая, как Аня на том конце шумно прихлебывает чай.

— Слушай, Ань, ты же сейчас по этому делу в Строгино материал собираешь? Где детей на насосной нашли.

— Собираю, — голос Ани мгновенно изменился, усталость как рукой сняло. — Жуткое дело. Менты молчат, пресс-служба дает только общие фразы. Ищу зацепку для хорошего репортажа. А что?

— Да так. У меня тут по соседству, этажом выше, одна дама поселилась. Аида Геллер. Знакомое имя?

— Эта... ну, которая в «Битве магов» еще порчу снимала с таким лицом, будто у нее запор? Слышала, да, у нас в редакции мемы с ней ходили. А она тут при чем?

— Да я три дня назад в подъезде с женщиной столкнулась. Лицо еще показалось смутно знакомым, но мало ли. А сейчас смотрю новости — там мать девочки, что искали несколько дней. Камера крупным планом взяла. И я поняла, где ее видела.

— Подожди, — в голосе Ани прорезалась острая нота. — Эта мать спускалась от Геллер?

— Угу. Во вторник, после обеда. Мы на лестнице разминулись. Женщина там чуть не плакала, повторяла, мол, слава богу, девочка жива, свечки ей ставить надо... А сегодня труп из коллектора достали.

В трубке повисла тишина. Я почти физически слышала, как в голове журналистки бешено крутятся шестеренки.

— Твою мать, — выдохнула Аня. — Марго, ты уверена? Точно она?

— Лицо видела. А уж к Геллер она ходила или просто подъездом ошиблась, я не знаю. Так, вспомнила, решила те-

бе сказать. Ладно, не буду отвлекать от работы, а то мне еще...

— Марго, постой! — Аня перебила меня, и голос у нее уже звенел от предвкушения. — Это же охренительная тема. «Телевизионные экстрасенсы наживаются на мертвых детях». Если я вытащу мать на интервью и она подтвердит визит... Блин, Марго, с меня бутылка самого дорогого виски!

— Не стоит, — усмехнулась я.

— Всё, давай, мне нужно срочно закончить один текст и кое-что проверить! Целую!

Короткие гудки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.